

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

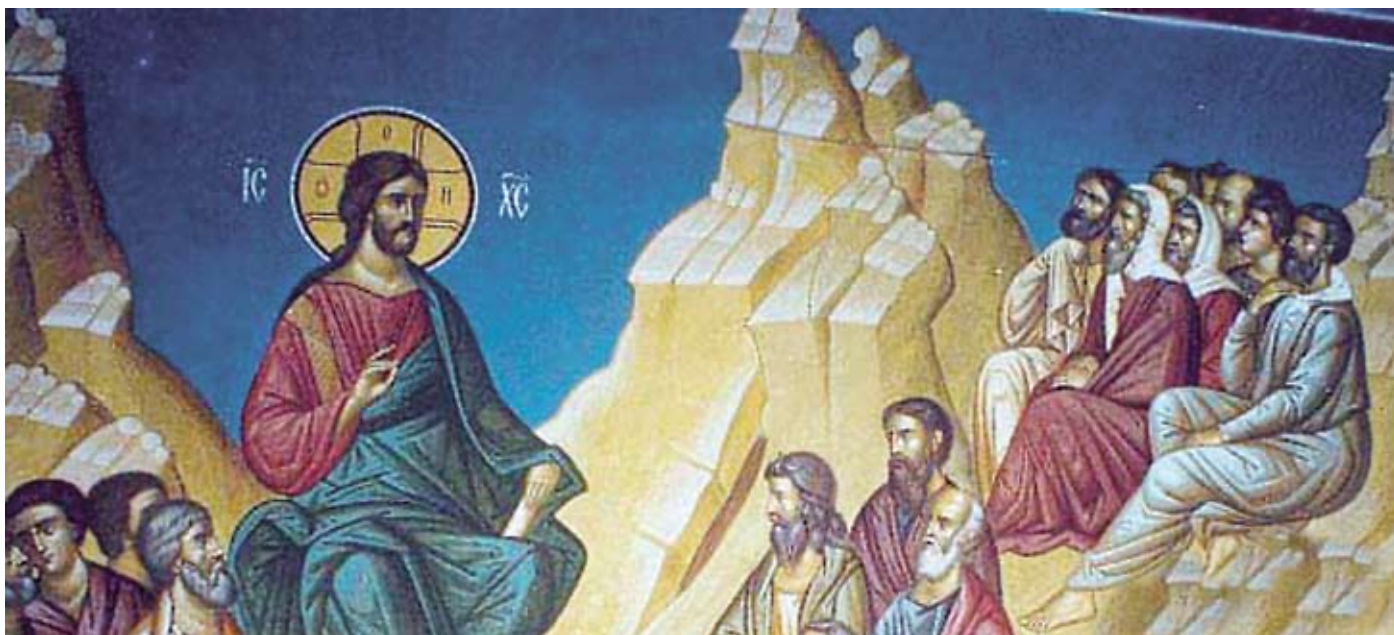
ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 3 (120) 2018
май — июнь

Тема номера:
**КАК ВЫ ПОНИМАЕТЕ:
«НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ»?**

- Епископ, которого избрал народ
- Победитель свиной чумы
- Советское кино в поисках Бога

Не мстить!

Некоторые размышления о теме номера

«...Не противься злему», – говорит Спаситель (Мф. 5:39). Значит ли это, что христиане должны быть внешне пассивны к любому проявлению зла? Если кого-нибудь бьют, насилуют, унижают – неужели я должен пройти мимо? Или, может быть, достаточно будет лишь постоять рядом и помолиться, ведь Бог все видит и обязательно должен как-то среагировать? Ведь Он сказал: «...Мне отмщение, Я воздам...» (Рим. 12:19)?

* * *

Тема непростая, нужно разбираться. Прежде всего необходимо понять, кто есть «злой», о котором говорит Спаситель. Здесь употреблено греческое слово «понирос». В Новом Завете оно имеет три значения: диавол, зло вообще и конкретный носитель зла. От первого варианта перевода придется сразу отказаться, так как другие тексты Писания однозначно утверждают необходимость борьбы с диаволом (см.: Иак. 4:5; 1 Пет. 5:9–10; Еф. 6:11). Определенный артикль перед словом делает невозможным второе понимание (зло вообще). Остается третий вариант: персонифицированное зло, то есть человек, намеренно причиняющий зло другому.

Также стоит обратить внимание на контекст, в котором звучит данная фраза. В последнем отделе 5 главы Евангелия от Матфея Спаситель говорит о реакции человека на причиняемое лично ему зло. Там же звучат и другие подобные призывы, которые касаются модели отношений «я – мой обидчик». «...Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:39–41).

Из контекста главы можно понять, что в словах «не противься злему» речь идет о личной мести, и только о ней! В агрессии против него христианин должен постараться замкнуть зло на себе и не умножать беззакония мира ответной злобой. Но ситуация меняется, когда жертвой обиды становится другой человек. Здесь уже вступает в силу иная евангельская истина: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

«Любовь христианина должна быть подобна любви Божией, но любовь Божия ограничивает и наказывает зло; и любовь христианина должна терпеть зло только в той мере, в какой оно остается более или менее безвред-

ным для славы Божией и для спасения ближнего; в противном случае должна ограничивать и наказывать зло, что особенно возлагается на начальство (см.: Рим. 13:1–4)», – писал епископ Михаил (Лузин).

Ограничивать и наказывать зло... Но ведь тогда получается, что против зла необходимо будет применить... тоже зло? Нет. Одни и те же по виду действия могут иметь совершенно разные значения. Например, резать человека – это зло? Да, если хулиганы в подворотне изранили ножом прохожего, они совершили зло. Но если хирург на операционном столе делает операцию, возвращая пациента к жизни, – это уже добро. И в том и в другом случае кого-то режут. Но в первом варианте мы видим зло, во втором – добро.

Есть ситуации, когда физическое противление злу необходимо и адекватные меры к пресечению зла не будут злом, ибо получают совсем другое значение. Вспомним, что апостолы носили мечи, Христос изгонял торговцев из храма бичом, а первоверховный Павел писал о начальнике: «...[начальник] есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:4).

* * *

Но как же Христос говорит: «...любите врагов ваших...» (Мф. 5:44)? Здесь опять же речь о наших личных ненавистниках и гонителях, которых мы обязаны прощать, как христиане. Всеми силами мы должны стараться не зажигать в себе ответный огонь ненависти, но, напротив, тушить страсть противника нашим прощением и любовью. Что же касается врагов Божиих и мучителей наших ближних – здесь уже вступают в действие другие правила и принципы.

«Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кощунственным совратителям, любезно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству... Поэтому христианин... совсем не призван к тому, чтобы противоестественно вынуждать у своей души чувства нежности и умиления к нераскаянному злодею как таковому, он не может также видеть в этой заповеди ни основания, ни предлога для уклонения от сопротивления злодеям. Ему необходимо только понять, что настоящее, религиозно верное сопротивление злодеям ведет с ними борьбу именно не как с личными врагами, а как с врагами дела Божия на земле; так что, чем меньше личной вражды в душе сопротивляющегося... тем эта борьба его будет при всей ее необходимой суровости духовно вернее, достойнее и жизненно целесообразнее», – писал Иван Ильин.

«Когда дело идет о славе Божией, о спасении ближнего, тогда противься злу, делай все, что можешь, чтобы зло прекратилось; но когда обида касается одного тебя, когда от нее нет никому другому вреда, а в твоём сердце начинает кипеть чувство мести, тогда – не противься злumu» – читаем в Троицком листке.

Важно понять, что сопротивление злу как раз и рождается от любви! Кто сильно любит истину и добро, тот сильно ненавидит ложь и зло. Кто любит Бога, тот ненавидит все то, что ненавидит Бог. Как и сказано в Откровении, в послании ангелу Эфесской Церкви:

«...то в тебе [хорошо], что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу» (Отк. 2:6). А ненавидящий зло будет бороться против зла прежде всего в себе, а в некоторых случаях будет поставлен перед необходимостью останавливать зло и физическим воздействием. Есть ситуации, когда непротивление злу будет означать приятие зла.

* * *

А как же насчет «помолиться» вместо «остановить зло»? Неужели Бог может допустить, чтобы совершилось явное беззаконие, тем более если христианин помолится Ему о прекращении беззакония? Зачем вмешиваться нам, если лучше дать Богу возможность действовать? Разве есть Божья воля на страдание невинного человека?

Этот момент с волей Божией чрезвычайно важен, его необходимо объяснить. Если мир создан Богом, почему он зол и безнравствен? Ответ: потому что зло и безнравственность в мир принесли мы. Первые люди нарушили волю Божию, и все мы теперь живем во вселенной, бытие которой повреждено. Раз уж в мире появилась злая воля, на которую в принципе не может быть воли Божией, то уже поэтому позволительно считать, что далеко не всё в мире происходит по воле Божией. Есть фактор свободной воли человека, которой дана страшная возможность – не слушаться Творца! И если волю Божию нарушили мы, то от нас зависит и исправление жизненных ситуаций согласно воле Божией. Поэтому, как говорится в народе: «Бог-то Бог, да сам не будь плох».

Не выдвигаем ли мы идею «воли Божией» всякий раз, как нам необходимо прикрыть свое безвольное морализаторство? Более того, таким образом мы относим всякое общественное зло... к воле Божией! Получается, что зло, которое все же случилось, послано Богом и любая попытка пресечь злодействие была бы святотатством. Также выходит, что Бог желает не только того, чтобы все люди любили друг друга, но и того, чтобы многие из них развратничали, убивали, насиловали, кощунствовали... Ведь все это бывает? Бывает. Так что же – на это есть воля Божия? Абсурд!

Тот же Ильин некогда возмущался подобными взглядами. «Когда злодей обижает не злодея и развращает душу ребенка, то это означает, что это “угодно Богу”, но когда не злодей захочет помешать в этом злодею – то это “Богу не угодно”. “Воля Божия” состоит в том, чтобы никто не обижал злодеев, когда они обижают не злодеев... И тот, кто этого не понимает или не соглашается с таким толкованием и “берет меч”, предпочитая лучше погибнуть самому “от меча”, чем предательски соучаствовать в торжестве зла, – тот объявляется безнравственным и безрелигиозным человеком, злодеем, не верующим в Бога».

* * *

Тема сложная. Порой непросто разобраться, в какой именно ситуации необходимо силой остановить зло. Трудно при этом не воспламениться злобой самому. Трудно понять, как можно любить человека, не любя в нем зло. Трудно – а иначе и быть не может.

Мы живем в мире, который после грехопадения утратил цельность и стал сложным, расщепленным. Мы все несем последствия грехопадения, став частью сложности мира, внося свою лепту в его греховность и в то же время страдая от нее. «Пребывание в миру есть взятие на себя креста мира», – писал В. Зеньковский.

Мы сами изнутри сделались сложными, расщепленными, и нам трудно жить в трудном мире, зараженном вирусом греха. Но жить нужно и принимать трудные решения тоже придется, в том числе и в связи с заповедью «Не противься злumu». И в этих решениях нужно сохранить веру, любовь, рассуждение, непримиримость ко злу, преданность добру – все то, чему учил нас Христос.

Сергей Комаров

СКРЕПЫ

Зло не уничтожает зла. Но если кто делает тебе зло, тому ты делай добро, чтобы добрым делом уничтожить злобу.

*Преподобный
Пимен Великий*

С протоиереем Михаилом Зазвоновым мы встречаемся не впервые. Батюшка по-прежнему настоятель храма Всех святых, в земле Российской просиявших, что в Новокосино. По-прежнему работает и в Синодальном отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московской Патриархии.

Руководит направлением, чья задача защищать семью, материнство и детство. Задача, которая в наши дни, к сожалению, приобретает повышенную актуальность. И наш разговор во многом касается того, чем занимается он и его соратники.

Павел Демидов

Слава Богу за всё!

– Итак, не противься злему. Когда воспринимаешь эти слова как абстрактный призыв, проблем с их пониманием нет. А когда применяешь их к себе или к ситуации, в которой задействован лично, все становится очень сложным. Думаю, так не у одного меня.

– Когда в Евангелии упоминается зло или нечто, связанное с ним, это вызывает в человеке отторжение.

– В самом деле! Я как-то не задумывался над этим.

– Причина очевидна. Христос дает нам понять, что зла как такового, то есть зла в чистом виде, не существует. Зло – это там, где нет Бога. Но мне кажется, очень нужно понимать слова Христа о том, что важно уметь увидеть Бога даже в тех ситуациях, где Его вроде бы нет. Вот тогда все впадает в свои русла. Христос сказал: учитесь у людей, которые все свое время, все свое сердце, все свои мысли употребляют, чтобы добиться того, чего они хотят. Учитесь, чтобы так же добиваться Царства Божия.

– Наш современник может стать для этого моделью?

– Пожалуй. Хотя такие люди были во все времена. Сегодня мы должны смотреть, насколько люди конкурентоспособны, насколько они стремятся, вылезают из кожи вон...

– Мы имеем в виду сам процесс, а не цель, так?

– В данном случае мы говорим не о цели. Один добивается средств для существования, другой – решения амбициозных задач... Не об этом речь. Важно, что они к тому стремятся. Но давайте зададимся вопросом: часто ли мы, считающие себя христианами, так же настойчиво ищем Бога?

– Честно говоря, неожиданная параллель!

– Но вот еще более неожиданное. Симеон Новый Богослов пишет в своих гимнах, как он ищет Бога. И, рассказы-

вая об этом, рисует замечательный Его образ – Бога как... зайца. А человека – как гончую. То есть человек должен гнаться за Богом, как гончая за зайцем.

– Но в гончей, насколько я знаю, от природы заложен охотничий инстинкт.

– А разве в человеке иначе? Он же – творение Божие, в нем онтологически заложена тяга к Богу. Если этого нет – беда. Образ, созданный Симеоном Новым Богословом, становится особенно понятен тому, кто хоть раз видел гончую, которая почувствовала зайца. Она забывает обо всем. Ее пытаются удержать несколько человек, она вырывается, душит себя своим ошейником и стремится вперед. Она не разбирает дороги, не обращает внимания на ямы и взгорки. У нее одна цель – догнать! И автор гимна описывает в своем произведении, что его душа так же стремится достичь Бога. Несмотря ни на что, ни на какие искушения, есть только одно: самая большая ценность на земле – познать Бога, ради чего, собственно, мы и пришли в этот мир.

– Очень сильная метафора.

– Еще бы! Но, увы, из-за суеты, из-за различных мнимой важности обстоятельств, из-за нерадения, из-за многих иных причин мы об этом забываем.

У нас, православных людей, нет четкой цели. У тех же, с кого нам вроде бы надо брать пример, цель есть. Она им понятна, они за ней следуют, как гончая за зайцем.

– Иными словами, их цель – это их бог.

– Именно так. Поэтому, когда Господь призывает не противиться злему, нужно помнить, что эти слова обращены к тем, кто доверился Богу, то есть живет не собственными оценками добра и зла, а полностью отдает себя воле Божией. Тогда и зло и добро, как и прочие движения человеческой души, обретают совсем иной – подлинный – смысл и наполнение. Как легко мы забываем, что все – и видимое и невидимое – вершится по Его воле!.. По Его воле крутится наша планета, по Его воле происходят гигантские катаклизмы и мельчайшие движения в нашем мире. Мы должны ценить все доброе, все светлое, что есть в нас, потому что это – от Бога. И со смирением принимать все, что исходит от Него.

– Без исключения? В том числе и поупение Божие?

– А как же! Разве Бог – это только тогда, когда нас глядят по шерстке? Сегодня со смирением восприняв то, что есть, мы сможем лучше понять, что нужно сделать, чтобы исправить ситуацию. Наверное, это и есть самое главное для подвижника и вообще для православного человека. Благодаря этому христианству удалось избежать стремления, которого не обошли иные религии, – силой убеждать своего оппонента. Мне кажется, нам надо чаще задумываться над этим.

– И особенно – позволю подчеркнуть – следует помнить, что, не принимая эту максиму – не противься злему, – мы, по сути, противимся воле Божией. Противимся Его поупению.

– Конечно, это так. Но видите ли... человеку очень тяжело согласиться с

этим. Потому что сначала ему нужно смириться перед Богом. А это и есть самое главное. Какими словами начал Господь Нагорную проповедь? «Блаженны нищие духом». В этом ключ ко всему последующему. Это значит, что правильно можно поступать только и только через смирение. Когда ты, уповая на Бога, говоришь: «Господи! Только Ты Вседержитель всего. Скажи, как лучше». В противном случае ты можешь обмануться, оказаться ослепленным, можешь не увидеть важного. Но вначале, повторяю, должно быть смирение, чтобы не сделать ошибки. Ведь именно по гордости возникают все войны. Именно по гордости вспыхивают конфликты. Именно гордость ослепляет человека, и он искаженно видит окружающие нас реалии. Но если ты уповаешь на Бога, то знаешь, что всё, что произошло, произошло по Его воле.

– **Человеку достаточно одного лишь смирения? Этим он должен довольствоваться?**

– Ни в коем случае! Смирение вовсе не синоним пассивности и собственно-го безволия. Упование на волю Божию, особенно если она, воля, выражается в Божием попущении, должно заставить человека задуматься: какие из этого нужно сделать выводы, для чего мне это послано, о чем я должен подумать?

– **А разве нельзя задаться этими же вопросами, не смиряясь перед волей Божией?**

– О, это принципиально разные ситуации. У человека, уповающего на волю Божию, во-первых, есть время спокойно подумать и разобраться в происходящем. У человека гордого, находящегося в плену своих страстей, такого времени нет: всё его естество требует немедленной ответной реакции. Гордый человек увидел обидчика, он реагирует на него моментально. И только потом, возможно, разберется, виноват ли тот, насколько, а может, вообще не виноват. Однако дело сделано.

– **Поезд ушел, и Анна Каренина опять опоздала.**

– К сожалению, ваша Анна Каренина опять поспешила. Травма нанесена, и оппонент начинает отвечать. Если разобраться, в основе большинства конфликтов лежит недоразумение. А что это такое? То, что не дошло до разума. Нас диавол пытается столкнуть. А мы

даем ему пищу. Казалось бы, момент времени – категория, далекая от работы духа. Возникла ситуация. Как быть? Нужно моделировать свое поведение так, чтобы оно было направлено не на разжигание конфликта, а на мирное разрешение. Все это – при условии, что ты подчиняешь себя воле Божией. Конкретно: если тот человек сейчас чего-то не понимает, если чем-то озлоблен или в неадекватном состоянии, нужно сделать нечто, чтобы его примирить, успокоить, привести его в нормальное чувство. Вот тогда враг и становится безжизненным.

– **Направление, которое вы ведете в отделе, пожалуй, особенно тесно связано с предметом нашего разговора – проявлением зла и отношением к нему.**

– К сожалению, мы действительно очень тесно соприкасаемся с человеческим горем. Мы видим его каждый день. Мы видим, когда люди подавлены этим горем, буквально убиты им. Мы видим в их глазах безысходность. Но в то же время мы видим, как Бог действует на этих людей. Жизнь постоянно являет нам примеры: если люди начинают уповать на Бога, начинают веровать в Него, меняются и обстоятельства, и вся атмосфера. У них возникает надежда, появляются силы для борьбы с болезнью, с возникшими трудностями вплоть до вполне материальных реалий типа нищеты. Может быть, иные и остаются в прежних условиях, но у них меняется отношение к ним, они начинают чувствовать себя даже счастливыми. А еще вчера их окружал мрак безнадежности.

– **То есть прежде всего важно, как ты себя ощущаешь.**

– Именно! Материальная составляющая жизни, безусловно, важна, но не она является определяющей для того, чтобы человек чувствовал себя счастливым. Потому что счастливым можно быть только найдя Бога, а это не зависит от житейских ситуаций. Поэтому в нашей практике человеческое несчастье, горе, то есть проявление зла, особенно убедительно подтверждает, что это происходит там, где нет Бога. Поэтому для нас важно не накормить человека, не помочь ему с операцией, не дать крышу над головой – все это безусловно нужно! – но главное – это дать Бога.

– **Чтобы произнести вслух первую часть этой фразы, нужна определенная смелость.**

– Возможно. Но смелость идет от убеждения. А мы в этом убеждены. Не случайно же Христос говорит: «...без Меня не можете творить ничего» (Ин. 15:5). Если пойти навстречу алчущему, но алчущему не Бога, а чего-то земного, это значит не удовлетворить его страсть, но еще более разжечь ее. Завтра не понравится крыша над его головой, нужна побольше и подороже, а потом возникнут другие желания и связанные с ними проблемы... Он никогда не насытится, потому что такова греховная природа человека. Беседуя у колодца с самарянкой, Христос говорит, что пьющий эту воду все равно будет жаждать. Господь имеет в виду, что человек, живущий приземленно, только материальными интересами, никогда не остановится. «...А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек...» (Ин. 4:14). То есть тот, кто примет учение Христа, кто примет Самого Христа, получит полноту счастья. На этом стою и я как священник, и все мы в своей работе.

– **Ясно и убедительно.**

– Почему я вначале привел непривычный образ отношения человека к Богу из гимна Симеона Нового Богослова? Он показывает, насколько жизненно необходим человеку Бог. Если ты с Богом, то спокойно и со смирением принимаешь и то, что Он не вмиг избавит тебя от твоих земных проблем. Поэтому для нас, работающих в отделе по социальному служению и благотворительности, совершенно очевидно, что зло – это тогда, когда нет Бога, и наша задача – повернуть человека к Богу, убедить, что человек должен найти эту Божественную благодать, которая его спасет, которая сделает его счастливым.

– **Нет ли здесь своего рода манка: ты поверь в Бога – и всё будет okay?**

– Прямо-таки цитата из какого-нибудь американского миссионера. Okay не будет. Во всяком случае, в прикладном понимании. Может быть, и скорее всего, проблемы решатся не так, как он думает. Но решатся именно так, как нужно ему, то есть наилучшим для него образом. При одном условии – уповании на Бога. Господь дал человеку свободу воли не для того, чтобы сделать его счастливым насильно. Человек должен этого хотеть.

– Много ли вам приходилось встречать людей, которые правильно воспринимали эту максиму Христа?

– Спросили бы что-нибудь полегче... Если уж апостол Павел говорит о себе: бедный я человек – что хочу делать, не делаю, а что не хочу делать, делаю... Что же спрашивать о нас, немощных и грешных? Конечно, все мы без исключения всю жизнь только ищем. Сегодня получается, а завтра – не очень, а послезавтра падаешь... Прав тот, кто осознает это и идет дальше. В этом мире мы всегда будем падать. Но надо вставать и идти. Нет сил встать – надо хотя бы приподняться. Нет сил приподняться – хотя бы поднять взгляд к небу. Что-то делать! Не унывать! Не останавливаться. Ведь Бог видит это стремление. Он говорит: придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные...

– ...и Я успокою вас.

– И ведь успокаивает! Другое дело – у каждого свой путь. У каждого свой запас сил. У каждого разное понимание происходящего и, соответственно, разное отношение. Ученому человеку нужно столько лицеизреть и обдумать, чтобы понять главное... Простому человеку достаточно нескольких моментов и умозаключений, и он уже нашел эту благодать. И радуется. Каждому – свое, каждому Бог дал свой талант, который нужно реализовать. Главное – не закопать его в землю.

– Были в вашем опыте люди, которые, приняв и поняв призыв Христа, после этого преображались?

– Говорю ответственно: да. Наверное, не достало бы у нас сил продолжать свое дело и двигаться дальше, если бы такое не случалось. Господь посылает нам эти радостные моменты, наверное, и для того, чтобы мы укреплялись в вере и понимали, что не толчем воду в ступе. Мы видим результат. Мы видим, как люди меняются. Мы благодарны и им. За то, что они повернулись к Богу. Потому что вместе с ними и мы частично получаем эту благодать. Когда говоришь об этом, в душе действительно ощущаешь прилив новых сил для того, чтобы идти вперед. Слава Богу, таких случаев много.

– Можете назвать что-то конкретно? Не обязательно с именами.

– Да, вот совсем недавно я получил довольно большое письмо, и даже с фотографиями. Оно касается одного из

направлений нашей работы – участия в жизни семей, страдающих от бесплодия. Мы проводим с ними беседы, совершаем совместные молебны, священники работают с этими людьми... И вот это письмо... Женщина описывает свою ситуацию. Уже восемь лет, как они с мужем женаты. Переехали в Москву, все вроде бы хорошо. Оба художники, занимаются любимым делом. Но одна беда: нет детей. А лет уже немало, под сорок. Использовали, казалось им, все средства: молились, писали записки, ходили по врачам... Им говорили одно: без экстракорпорального оплодотворения ничего не получится. Но даже эта операция результата не дала. И когда они уже полностью смирились, но продолжали ходить в храм, на молебны, продолжали просить Бога, очередной тест показал: да! нужно ждать ребенка!

– Но Господь не искушает человека. А здесь Он как бы испытывал их терпение.

– Совершенно верно: Господь не искушает человека. Здесь до определенного момента была зеркальная ситуация: люди искушали Господа. Они непременно хотели, чтобы было так, как желают они. И только когда они смирились перед волей Божией, когда они сказали себе: пусть будет не так, как хотим мы, а как хочет Господь, всё стало на свои места. Здесь этот момент – ключевой. Очень важно, чтобы люди понимали: дело не в количестве поданных записок или паломничеств к чудотворным иконам и не в литрах воды, выпитой из святых источников. Подчинить себя воле Божией, то есть найти Бога, – в этом корень всего. А сегодня ребеночку уже полтора года. Он крещен в нашем храме, и все радуются ему, потому что дитя это – зримая благодать Божия.

– Думаю, это как раз тот случай, когда не грех и погордиться.

– За три года, что мы занимаемся этим проектом – помощью бесплодным семьям, – это у нас уже тридцать пятый повод для гордости.

– Ой! Какой вы многодетный батюшка!..

– Этот проект – наше общее достоинство и общая забота. Сейчас такие программы уже есть во многих храмах, а когда-то, не скрою, мы были первыми. Слава Богу, что Господь дает нам силы видеть, что мы на правильном пути.

– Что вы хотели бы сказать читателям напоследок?

– Позвольте подумать... Часто мы не видим, что происходит рядом с нами. А Бог постоянно дает нам знать, что Он всегда рядом. Нужно лишь прислушаться, присмотреться. Со вниманием, со смирением. Не так, как мы хотим это сами видеть, а так, как Бог хочет нас и Себя показать нам. Если мы посмотрим на окружающий мир через призму смирения, то увидим, что Бог всюду и что Его очень много. Намного больше, чем зла, каким бы непомерным оно нам ни казалось. Мы увидим, что всё без исключения, и даже зло, движется только Им. Видя и понимая это, мы обретаем силы и уверенность в великой целесообразности всего происходящего, смысл которой знает только Бог. Я хочу, чтобы люди поняли главное. На этой земле, в этой жизни человек должен только одно – благодарить Бога. Это не фигура речи, а смысл и суть нашего бытия. Ты ропщешь на жизнь, а попробуй поблагодарить Бога за это же. Когда начинаешь благодарить, тогда рождаются силы, изменяются обстоятельства, все происходит по-другому. Но именно в наше время люди перестали благодарить. Разучились, что ли? Они недовольны тем, другим, третьим, четвертым... Они добровольно превращают свою жизнь в ад. Потому что нет Бога рядом. Нет благодарения. Нет смирения. Не случайно же главная служба в православии, которая в принципе и есть православие, называется Евхаристия. Благодарение. А что еще человек может сделать для Бога, Который отдал Себя для нашего спасения? Который всю Свою жизнь являл пример умаления, унижения, пример смирения. Какую цену мы можем назначить за такую жертву? Как можем оправдаться перед Ним? Как мы можем оплатить это? Только смирением и благодарением. И только тогда Бог поймет нас тоже, и только тогда законы Божии станут действовать в нашей жизни. Поэтому в наше время – именно в наше время! – самым большим достижением человечества могут быть слова благодарности Господу. Особенно – особенно! – когда нам плохо. Я понимаю: это трудно вместить. Не зря же старается враг рода человеческого. Но благодарение должно быть сердцевинной всей нашей жизни. Начнешь благодарить – и Господь всё управит.

Что держит на плаву Встреча с поэтом Юрием Кублановским

Традиционная встреча, традиционная беседа. Сколько их было в журнале за эти годы... А вот с Юрием Михайловичем так не получилось. Встреча – да, традиционная, а вот беседа – нетушки. Поэтическая сущность человека оказалась сильнее. И оставалось одно – подчиниться.

Павел Демидов

– Думаю, это сложно для каждого. Сегодня мир не просто лежит во зле. Он во зле купается. И как при этом не противиться злему?.. Нашему сознанию вместить эту максимум очень трудно. Только у нас, в нашей стране, столько злого творится... И не вчера началось. В вашей последней книге – «Долгая переправа» – есть стихотворение, написанное еще в 2002 году. Оно, по сути, об этом же.

В пелене осеннего молока
хорошо бы, выровняв аритмию,
генным кодом старого черпака
разжигаться и воссоздать
Россию.

Чтобы стала снова такой, как до
своего позора, конца, итога.
Чтобы было так же окрест сего,
не мерцала маковками Молога –
Ведь еще потопа не ждет никто,
хоть полкан поскуливает с порога.
Я бы начал на ночь читать

внукам
свод законов или земли кадастры,
прижимая к влажным платок
зрачкам,
на взъерошенные любовался астры.
И неистощимые облака –
неужели всё это дубликаты?
И уж знал бы, Родина, как хрупка,
а по-своему и права ты!
Или это конспиративный свист,
или кто-то плачет всю ночь
в подушку...

И несет за пазухой террорист,
словно сёмгу, в промасленном
свертке пушку.

– Раз уж зашла речь о стихах, у меня эта тема звучит и раньше, и позднее. Постоянно. Вот 2014 год.

Поветшавший томик
молитвослова

с выцветшей шелковистой
закладкой...
от времен подсоветских лютых,
православных бдений
полуподпольных.

Самым краешком зацепил ту пору
я в послевоенном ее изводе.
Засыпая при трепетном огонечке,
все глядел на бабушкины поклоны.
В том же доме старые
мологжанки,
как теперь домосливаю, монашки,
на заказ под вырезами сорочек
вышивали кисточки барбариса...
Двор зарос лекарственной
ромашкой.

Что крещен в младенчестве,
в строгой тайне,
я и не догадывался до самой
вегетарианской оттепельной
болтанки...
Тютчев завещал не роптать
на время.
Я и не ропщу – ни вождя, ни сыска.
Но зачем разыгралась над нами
всеми
до глубин космических зона риска?

...А вот как не противиться... Мне кажется, такие слова нашего Спасителя должны расшифровывать священники. Лично мне это просто не по уму.

– Но ведь вам наверняка приходилось сталкиваться с ситуациями, когда перед вами стоял выбор: воспротивиться злу или не воспротивиться?

– Конечно, приходилось, как любому человеку. И не могу сказать, что выходил из этих ситуаций, как учит Иисус Христос. Сожалею, но это так.

– Может быть, вы не согласны с этим научением?

– Как можно быть не согласным с тем, что говорит наш Учитель?! Я не знаю, как это выполнить. А вы ждете от меня совета. Мне ближе другое (ближе

Когда слышишь скребущую наст
лопату,
не может не вызывать уважения
даже слабое сопротивление
дворника снегопаду,
голубиная кротость его служения.
И, поди, особое отношение
к снежным дюнам, впадинам
и барашкам.
Скоро тут угрюмое население
заснешит к железкам своим,
бумажкам.
Вот и я, водицей согнав дремоту,
на холодном, темном еще рассвете
принимаюсь за малооплачиваемую
работу,
уподобясь дворнику дяде Пете.
И судьба моя станет однажды
книжкой,
потрепанной вследствие бурь
жестоких,
с небольшой фонетической
одышкой,
соглашусь заранее – для немногих.

– Стихи – это, Юрий Михайлович, конечно, прекрасно. Но хотелось бы все же перейти к прозе. В Нагорной проповеди есть такое обращение к людям: «Не противьтесь злему». Как вы понимаете эти слова, как применяете их в жизни?

– Мне кажется, это одно из самых сложных мест в учении Христа. Во всяком случае, лично для меня.

потому, что понятнее): надо ли мстить тем, кто вам причинил зло?

– **Иными словами, не отвечать злом на зло.**

– Совершенно верно: не отвечать злом на зло. Но это тоже весьма и весьма трудно. Если я говорю, что эта постановка вопроса мне ближе, это не значит, что я здесь очень успешен. Мне мои собраты по цеху литературной критики, либеральные идеологи, причинили много зла...

– **К либерализму, мне кажется, вы особенно чувствительны. Это есть даже в ваших стихах. Больше десяти лет назад написано:**

*Мы смолоду были с тобой
самородки,
но вот оказались на дне –
твоей нерасчетливо скорой
походки
отчасти, считай, по вине.
Ведь помнишь, как, бодро шагая
вначале,
ты вдруг задохнулась в пути:
– России, которую мы потеряли,
уже никогда не найти.
Я был только автор ненужных
нетленок.
Ты – русая птица ночей.
Зачем же тогда в либеральный
застенок
таскали пытать: чей?
Когда, прокурорствуя, Пемзер
в колонках
мне на спину вешал туза,
возилась со мной ты, что с малым
ребенком,
рукой прикрывая глаза.*

– Что да, то да: с либерализмом у меня получается не очень. Скорее всего, я вообще не всепрощенец. Хотя и христианин. Мне трудно забыть зло. Хотя моя, в общем-то, достаточно оптимистичная натура позволяет жить так, чтобы те заботы, которые сидят в сердце, не саднили и не болели особенно. Там этот мотив присутствует.

*...Два лебедя здешних куда-то
уплыли,
лишь домик понтонный стоит.
Запутаны кроны плакучие были,
как старые сети, ракут.*

*Да разве нет хлипкой надежды
на чудо,
на новый лимит бытия?
И у Новодевичьих башен: «Откуда
ты знаешь?» – упорствовал я.
Хранится у Грозного в библиотеке,
которую всё не найдут,
прижизненное руководство
Сенеки,
как с жизнью прощаться должны
человеки
и Хроники будущих смут.*

Стараюсь забывать обо всем дурном. Когда получается, когда нет... Жизнь есть жизнь... Я думаю, у всех так. Может быть, жизнь литератора, человека с более тонкой душой, чем простые обыватели, острее реагирует на какие-то обиды, уколы...

– **Да, творческий человек при всей своей видимой самобытности, самостоятельности личность скорее зависимая, чем свободная. Он зависит от своего таланта.**

– Пожалуй, соглашусь с вами. В 2006 году я написал вот такое стихотворение.

*Сделалось с годами, допекая,
все слышей дыхание в груди,
с ним таким теперь на пик Синая,
потакая звездам, не взойти.
Кажется, что жизненная квота
вычерпана – но, наоборот,
из кармана заставляет кто-то
доставать затрепанный блокнот.
Словно это юнкер темноокий
у себя в казарме налегке
спит и видит сон про одинокий
и мятежный парус вдалеке.*

– **А в 1997-м, и вернувшись к нему в 2015-м, вы написали еще и такое:**

*Когда не то чтобы бессильное,
зарапортовываясь снова,
берусь замуровать двужильное
в столбец лирическое слово,
когда ему в простосердечии
и впрямь я отдал все до нитки,
обожествив глагол, наречие
и существительные слитки,
и вот не знаю сам, зачем спешу
по их же лаве,
как говорят спортсмены,
к финишу,
верней, к неброской переправе –*

*расслышат ли меня заречные
ракиты в хмари предрассветной
и кот, от вас на веки вечные
ушедший на неделе Светлой?
Какая музыка заставила
его тогда в бега пускаться,
когда, космические правила
переосмысливая, статься,
над здешними повисла крышами
неведомо с какого света,
невесть кого опередившая
в прогале темных хвой комета?*

– **Да, очень близко смыкается с тем, о чем мы с вами говорим. Ну а если бы я попросил вас дать совет: как быть в таких ситуациях?**

– Вы имеете в виду, когда вам причиняют зло?

– **Именно так.**

– Совет... совет... Разумеется, увлеченный только из личного опыта. Ни в коем случае не заикливаться на этом. Не давать этому яду...

– **Вы имеете в виду: яду мести?**

– Чему же еще? Ведь Сам Христос говорит: «Мне отмщение, Аз воздам». Не давать этой желчи, этому яду разъедать себя изнутри. И, конечно же, концентрироваться на вере, на красоте, на искусстве.

– **Слушаю вас и чувствую: ваше стихотворение «После музыки» буквально само ложится на бумагу. Как будто вы написали его специально к нашему разговору, а не три года назад.**

*Когда, заплывая в музыку,
смотришь из тьмы на сцену –
на несметные мантишки оркестра
или на сосредоточенных одиночек
за необъятным роялем,
потертой виолончелью,
подбородком придерживающих
скрипку, –
глаза бывают на мокром месте.*

*Ибо каких еще надобно
доказательств
весче этих, консерваторских,
что мы не просто отпрыски
инфузорий,
запоротый материал природы,
тати и серебролюбцы,
но творенья сами –*

раз смогли сотворить такое,
а потом исполнять на память
или по нотам,
веки беспокойные прикрывая.

– Вот видите – хорошего в жизни все-таки больше, чем плохого. Я думаю так. В свои семьдесят лет.

– И опять просятся ваши стихи. Поэзия, действительно, пронизывает всю вашу жизнь. «На возврате дыхания», 2007 год. Вы помните все ваши стихи?

– Это – помню.

1

Серый после потопы до горизонта
и тили,
словно со дна раскопа скифских
времен утиль.
Видит не харизматик, ставленник
куркулей,
а на скамье астматик, мученик
тополей,
Чья долгота дыхания связана
с широтой
целого мироздания цепью и впрямь
одной.
Что ты такой расслабленный,
а потому смешной,
старый поэт с разграбленной
жизненной мощью?
Видишь, как все сбывается, что
обещал собес,
дышишь – и в путь снимаются
парусники небес.

2

Непогодь наступает – и за окном
в тиши
ветер перебирает листья, что
клавиши...
Астры, перестоявшие в вонькой
уже воде.
Сны мои, явью ставшие, только
не знаю где.
С миром вовне общение – это как
есть с ножа.
К прежнему приращение нового
мухлеж.
Я ж – не лукавец, строящий планы
исподтишка,
исподволь землю роющий для
своего кружка.
То есть люблю немного, однако же
горячо:
астры, твое пологое, слабеющее
плечо.

Слово, которым молятся
оптинские отцы.
Чтобы у нас в глаголице не было
грязноты.
Незачем долгожителем быть,
накопляя кладь.
Важно не быть просителем
и ничего не ждать.

– Вы сказали, что в жизни все же больше хорошего, чем плохого. Разумеется, вы правы. Если бы плохого было больше, чем хорошего, жизнь уже прекратилась бы.

– Именно так. А она продолжается, и я бы не сказал, что это не доставляет нам удовольствия. А на ваш вопрос, я думаю, вам лучше ответит все же священник. Мне же, повторюсь, это не по уму. И не по профессии.

– А при чем тут профессия?

– А при том, что моя профессия – профессия поэта – заполняет полностью мою личность. Это в другой профессии можно семь часов отработать и потом заниматься другим. Потому что поэзия, повторяя Пастернака, не читки требует с актера, а полной гибели всерьез. Я двадцать четыре часа в сутки ею живу. Даже во сне.

– Рискну с вами не согласиться. А чувство? Любовь? Им не остается места? Но вот ваши стихи. Написаны всего четырнадцать лет назад.

Ракита дряхлая – на месте
перелома
зубцы с волокнами, чье лыко,
как солома.
В зените ядрышко каленое
светила.
Неосторожная, взяла и полюбила
мое неровное от жизни
многолетней
лицо и голову седую с кучей
бредней.
Все чаще снились мне –
присыпанные сажеей
то своды тусклые заброшенных
пассажей,
то непротопленных усадеб
анфилады,
в которых не сыскать ни книги,
ни лампы.
Психологически я стал привязан
узко

к существованию придонного
моллюска.
Домоседение – вот сделался мой
фетиш,
а то на улице кого-нибудь да
встретишь.
Неосторожная, взяла и увела ты
меня, дичавшего, в заветные
пенаты,
Где ветлы ветхие и дряхлые
ракиты
огнем расщеплены и дуплами
раскрыты.
И вечно дрёмная меж берегов
излука,
где в мае соловьи, а в декабре
ни звука.

– Как видите, остается место и чувству, и любви. Без них не было бы и поэзии. Это две стороны одной медали. Какая из них лицевая, какая оборотная – Бог весть...

– Позвольте закончить нашу не очень стандартную беседу вашим стихотворением из 2014 года.

В непосильные, неисправные
времена
разве что и держат на плаву
какие-то фрагменты реальности:
вот сирень рвется из церковной
ограды,
всею тяжестью на нее
навалившись;
вот колония лилий в йодистой
дрейфует воде,
а зимой с плачущих ветвей
посыплются изморози радужные
крупницы...
Есть в Ипатьевской обители образ
«Не рыдай Мене, Мати».
В тисненном огибающем
изображении окладе
Мать с истощенным пытками
Сыном.
Выглядят как сверстники,
одногодки.
Вся Она – отчаянье, вопрошанье,
положила ладонь Ему на грудную
клетку,
словно тишится утишить боль.
Он же – весь уже не с Ней и не
с нами.
Снег завалит берега костромские.
Наконец приспеют сроки молиться –
как бы только не последние сроки –
в меру веры на спасение уповая.

Скажите, пожалуйста...

 Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...	<u>Елена Метёлкина</u> актриса 	<u>Александр Анатольевич Афиногенов</u> реставратор 	<u>Наталья Александровна Гурова</u> домохозяйка
Часто ли вы вспоминаете это выражение – «Не противься злему»? В каких случаях?	Я всю жизнь помню такую фразу, что добро должно быть с кулаками. Когда мы видим прямое глумление, надо быть категорически строгим и даже набить кому-то рожу.	Добро должно быть иногда и с хорошей дубиной, а то и с автоматом Калашникова. Уже настолько человек испорчен, что иначе нельзя. Знаю много таких примеров.	Как человек эмоциональный, когда в очереди что-то скажут агрессивное, могу не стерпеть, но стараюсь смиряться. Но стараюсь или противиться злу, или в сторону отойти, принять что есть.
Считаете ли вы себя злопаметным человеком?	Стараюсь им не быть. Это просто уродует нас и женщине портит лицо. Нужно как можно быстрее выбросить память о зле за спину, а там – как Господь пошлет.	Злопаметным человеком себя не считаю. Чем скорее забудешь, что тебе какую-то пакость сделали, тем самому легче. Зачем этот груз на себе тащить?	Вообще злопаметность меня угнетает, поэтому стараюсь не помнить зла. Но не всегда получается, могу долго вспоминать, возвращаться к нанесенной душевной ране.
Что для вас легче – простить или попросить прощения?	Простить не сразу получается, но попросить прощения нужно совершенно быстро и мысленно даже кинуться в ноги человеку. Не носить этот груз. Я не позволю затянуть себя в эту кашу.	Для меня всегда было просто – и просить прощения, и прощать. Особенно спешил простить. Но если что-то напортачил, сначала надо исправить, а потом извиняться.	Для меня легче простить. Я стараюсь не быть злопаметной, а попросить прощения мне сложнее.
Чтобы не противиться злу, вам легче воспитать в себе смирение или равнодушие?	Воспитать в себе смирение? Да! Но ни в коем случае не равнодушие. Если это урок от Господа – научиться терпению и смирению.	Равнодушие – это вообще не христиански, это вообще предательство. А смирение необходимо во многом.	Конечно, легче воспитать смирение. Я вообще человек не равнодушный, поэтому для меня не знакомо это состояние равнодушия.
Возможно ли вообще научиться не противиться злу?	Наверное, кто-то может. Но не противиться злу нельзя, надо добром противостоять – быстро взять меч молитвы и обезоружить врага и спасти того, кто утопает в этой тине.	Лично для меня этот вопрос вообще как-то не стоял – как можно не противиться злу? Надо, по крайней мере, ему противостоять.	Все мы очень слабы, я думаю, нельзя этому научиться, для этого, наверное, нужно быть святым с ангельскими крыльями. Может быть, кто-то может – я не могу. Мне это очень и очень сложно.
Если бы все могли не противиться злу, каким бы был наш мир?	Хаос был бы и одно зло. Как не противиться? Отхлестать по щекам зло. Как? Каждый пусть решает сам. Никакого равнодушия, потворства и теплохладности!	Армагеддон был бы, если не противиться злу. По-другому не скажешь.	Мне сложно сказать, что было бы, если бы все смогли не противиться злу. Значит, зла вообще не существует? Это идеально, это рай. Мне сложно представить.

КАК ВЫ ПОНИМАЕТЕ: «НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ»?

Анкета «Лампады»

<u>Владимир</u> автомеханик	<u>Юлия</u> работник турагентства	<u>Юрий Николаевич</u> пенсионер	<u>Валентин Иванович</u> <u>Николаев</u> журналист, писатель
			
Это выражение вспоминается не так часто. Случаи, конечно, очень разные бывают, но в мирской жизни невозможно не противиться злему.	Мы должны делать добро и, значит, противиться злу. Поэтому я не часто вспоминаю эту фразу. Когда люди стараются сподвигнуть меня на нехорошее, стараюсь ограждать себя от них.	Нет, редко. Такое выражение приходит на ум в случае, когда человек явно не осознает, что он творит зло. Тогда можно простить, но если это зло не несет вредных последствий для людей.	Не часто, потому что я решительный противник этого выражения. Злему не противиться нельзя. Злему надо противостоять! Я всегда старался противостоять злему.
Не особо.	Нет, я не считаю себя злопамятным человеком.	Конечно, нет.	Да, я злопамятный. Так я устроен, и что делать, не знаю. Когда поступали со мной подло, предательски, причем сознательно, я такого не забывал.
Легче простить, чем попросить прощения.	Для меня проще простить, потому что попросить прощения как-то еще боюсь, хотя нужно это делать.	Попросить прощения можно автоматически. Для меня это не проблема. А простить – если есть необходимая причина, основание.	Для меня легче простить.
Равнодушие как-то совсем не хочется. Пытаюсь воспитывать смирение.	Смирение трудно воспитать, а с равнодушием в жизни легче.	Мне лучше равнодушие, потому что смирение унижает в данном случае, а равнодушие, если нет последствий, позволяет пройти мимо.	По мне – лучше смирение. Оно не загромождает дорогу другому человеку, которому хочется чего-то запретного и бесполезного. А своим смирением можем его утихомирить, образумить.
Научиться не противиться злу, наверное, можно, если в определенном кругу общаться, а когда со всех сторон клуют, очень тяжело это сделать.	Чтобы не противиться злу, нужно иметь смирение. Научиться можно, но нужно много работать над собой.	Можно. Жизнь может так повернуть, что это может стать какой-то привычкой.	Научиться этому возможно, если правильно понимать смысл выражения «Возлюби ближнего своего». Но мы часто пропускаем слово «своего». Этот призыв призывает любить всех, а всех любить нельзя.
Каким бы был наш мир, трудно сказать. До идиллии нам очень далеко.	Наверное, зла бы не было. Но если не будет зла, мы не сможем понять, что такое добро. Нужно не противиться злу и смиряться. Если бы все так, мир действительно был бы добрее.	Мир будет зыбким и несправедливым.	Я считаю, мир был бы прекрасен. Если бы все противостояли злу, то оно стало бы таким микроскопически минимальным, что само по себе сошло бы на нет.

Ангел-хранитель

Митрополит Макарий (Булгаков; † 1882) пишет: «Имя “ангел”... по выражению еще древних учителей Церкви, есть имя должности, а не природы... в строгом и собственном смысле ангелами называются в Священном Писании существа особого рода, отличные от Бога и от человека, существа духовные, действительные, а не воображаемые»¹.

Крещение — это благодать, приобщающая человека к Богу, крещеный человек называется христианином. Этим именованием впервые стали называться последователи Христа Спасителя в Антиохии (см. Деян. 11:26)². Принимая Крещение, верующий человек становится членом Церкви, получает обетование вечной жизни. При этом ему дается имя святого угодника Божия, подвигам которого он затем подражает в течение своей жизни, в молитве прибегая к нему. Ему дается также и небесный ангел-хранитель, под невидимым водительством которого проходит вся жизнь христианина.

Творя ежедневно утренние и вечерние молитвы, верующий человек обращается с молением к своему ангелу-хранителю: «...не остави мене, грешного, ниже отступи от мене за невоздерж-

жание мое: не даждь места лукавому демону обладати мною» (Чин утренних молитв). В молитве преподобного Макария Великого († 390 (391); память 19 января) верующий просит Господа: «...посли ми Ангела мирна, хранителя и наставника души и телу моему, да избавит мя от враг моих: да возстав со ода моего, принесу Ти благодарственные мольбы» (Чин вечерних молитв).

«Между миром земным и миром небесным существует глубокая молитвенная связь. Ангелы служат Богу... и участвуют в богослужении Церкви (“Ныне силы Небесныя с нами невидимо служат...”)³. Всякий раз на Божественной литургии перед пением молитвы «Отче наш» верующий слышит слова диаконского прошения: «Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим».

В недельном круге богослужения, песнопения и молитвословия которого содержатся в книге Октоих, Православная Церковь посвящает первый день после воскресения (по неделе) небожителям, прославляя в этот день святых ангелов как «служителей Божественныя славы, предстателей наших пред Богом»⁴. В Апостольском зачале (см. Евр. 2:2–10), читаемом в этот день, «Церковь прославляет их вестниками Слова Божия», а в Евангельском зачале (Мф. 13:24–30) говорится, что ангелы являются «жателями при кончине мира»⁵. В богослужебных текстах понедельника речь о служении святых ангелов, а также об их попечении о роде человеческом: «Ныне предстояще желанием крайним Христу, спастися

всем нам, ангели, молитесь»⁶; «Велия ангел Твоих, Христе, сила: безтелесны бо суще мир протичут, сохраняюще Церкви силою, яже от Тебе, Владыко, и Тебе молятся о вселенней»⁷; «В мир посылаются к хотящим веровати Тебе, якоже хранителие спасения благочестивых, ангели, соблюдающе, Спасе, рабы Твоя»⁸.

Октоих содержит два гимнографических пласта — палестинский и византийский. Последний был выработан в Студийской обители, при этом «исполнение определенных гимнов в честь святых было приурочено к определенным дням церковной седмицы»⁹. Таким образом, совершение памяти святым ангелам в понедельник было выработано в Византии¹⁰. В иконографии это отражено в иконе Шестоднев, в первом клейме на ней изображено воскресение Христа Спасителя, а затем — Собор Архангела Михаила. Данная иконография «возникла под влиянием Шестоднева Кирилла Философа... представляющего назидательные поучения на шесть дней недели»¹¹.

В годовом богослужебном круге имеется память Архистратига Ми-

¹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Православно-догматическое богословие. Изд. 4. СПб., 1883. Т. 1. С. 379. Ниже автор приводит высказывание блаженного Августина († 430; память 15 июня) о природе ангела: «По существу он — дух, а по деятельности — ангел» (Там же. С. 390). Об ангельском мире см.: Глаголев А. Ветхозаветное библейское учение об ангелах (Опыт библейско-богословского исследования). Киев, 1900.

² Именование «христианин» характерно для простого русского человека. «...Варьируемое наименование верующих во Христа христиане — кристиане происходит не от именования Иисуса Христа, а от таинства, через которое верующие присоединяются к Церкви Христовой. Ведь для того чтобы стать христианином, мало верить, но необходимо принять Крещение во Христа. В древнерусских рукописях происходит смешение слов, образованных от корня крестъ-, с именованием Христа, во имя Которого происходит Крещение — действие в воде, освященной крестом. Самоименование русских людей — крестьяне — свидетельствует о том, что народ принял крещение» (Шалыгина Н.В. Из истории понятий: христианин и крестьянин // Румянцевские чтения — 2013. М., 2013. Ч. 2. С. 313).

³ Иванов М.С. Ангелология // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 300.

⁴ Дебольский Г., протоиерей. Дни богослужения Православной Церкви. М., 1996. Т. 2. С. 305.

⁵ Там же. С. 305–306.

⁶ 2 тропарь 3 песни иного канона // Октоих. М., 1981. Гласы 1–4. С. 235.

⁷ 2 стихира Иных стихир на Господи воззвах // Октоих. С. 376.

⁸ 2 тропарь 4 песни иного канона // Октоих. С. 387.

⁹ Крашенинникова О.А. К истории формирования седмичных памятей Октоиха // Богословские труды. М., 1996. Сб. 32. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 1: XI — начало XVI века. М., 1963. С. 342–343. Прим. 1. Иконы Шестоднев см. также: То же. Т. 2: XVI — начало XVIII века. М., 1963. С. 341; София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России. М., 2000. С. 186–187. Аналогична Шестодневу икона Седмица (Антонова В.И.; Мнева Н.Е. Каталог... Т. 2. С. 343). Об иконографии Седмицы см.: Кондаков Н.П. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. М., 2001. С. 90.

хаила и всех небесных сил (8 ноября)¹², значит и наших ангелов-хранителей. Протоиерей Григорий Дебольский так объясняет установление праздника в этот день: «Месяц ноябрь избран для праздника св[ятым] ангелам-богохвалителям и человекохранителям потому, что этот месяц есть девятый от марта, бывшего некогда началом года, и числом девятый соответствует девяти ангельским чинам; а осьмый (восьмой. — *Ред.*) день месяца назначен в отношении ко Второму Христову Пришествию на землю, день коего от учителей церковных нарицается осьмым. При конце сего мира... наступит как бы осьмый день, “егда же придет Сын Человеческий в славе Своей и вси святии ангели с Ним...”

¹² Если торжеству христианского праздника послужило какое-либо лицо, то на следующий день творится его память. Поэтому сразу после праздника Благовещения совершается память Архангела Гавриила, возвестившего Деве Марии благовест (Болотов В.В. Михайлов день. Почему Собор Святого Архистратига Михаила совершается 8 ноября? Эортологический этюд. СПб., 1892. С. 6. — Отдельный оттиск из журнала «Христианское чтение»). Этот праздник называется Собор Архангела Гавриила, т. е. вместе с ним прославляются также и лики ангельские. Собор Архангела Гавриила совершается также 13 июля, т. к. обычно праздник Благовещения и Собор Архангела Гавриила приходятся на Великий пост и в день второго праздника возможно более торжественное прославление Архангела Гавриила. «В день второго Собора в честь Св[ятого] Архангела Гавриила воспоминаются и прославляются все чудесные его явления как благовестника тайны воплощения Сына Божия и служителя домостроительству спасения мира» (Дебольский Г., протоиерей. Дни богослужения Православной Церкви. М., 1996. Т. 1. С. 259).

Написанная на крышке ящика из-под оружия, икона ангела-хранителя приобретает глубокий метафорический смысл. Художник Александр Клименко. Украина

(Мф. 25:31)»¹³. В песнопениях празд-

¹³ Дебольский Г., протоиерей. Дни богослужения Православной Церкви. М., 1996. Т. 1. С. 256. Отец протоиерей таким образом отметил промыслительное значение дня памяти Архангела Михаил в годовом круге. В древности же в различных регионах христианского мира использовались разные календари. Историк В.В. Болотов, изучавший данный вопрос, пришел к следующему выводу: «Праздник Архангела Михаила 8 ноября — александрийского происхождения и заменил собою древнейший праздник Крещения Господня, установленный Египетскою Церковью в противовес крещениям и торжествам в честь Усирия» (Болотов В.В. Михайлов день. Почему Собор Святого Архистратига Михаила совершается 8 ноября? С. 56). Историк отмечает определенную особенность учреждения христианских праздников: «Язычество, с которым ведет борьбу Церковь, есть не только религия, но и сложившийся известным образом быт. Доказать язычнику несостоятельность его представлений о богах и убедить его верить в Единого христианского Бога значило сделать много, но еще не все. Порвать свои житейские сношения с

ника Церковь взывает: «Округ Престола всех Царя присно ликующе, ангелов чини, нас сохраняйте, верою вас призывающия, и мучения всех избавите»¹⁴.

Имен святых ангелов мы не знаем. «Известны неск[олько] личных имен архангелов: Михаил и Гавриил упоминаются в канонических библейских книгах; Рафаил, Уриил, Салафиил и Иеремиил — в книгах неканонических; Иегудиил и Варахиил хранятся в церковном предании»¹⁵. Существует такая традиция, когда день памяти небесного покровителя, то есть святого угодника Божия, называют днем Ангела¹⁶. Такая традиция существует давно, хотя она и неверна.

Имеются различные свидетельства об ангелах, об их служении человеку и помощи ему. Близкие ученики

преподобного Сергия Радонежского († 1392; память 25 сентября) сподоби-

соседями-язычниками новообращенный не имел возможности. Нужно было охранить его от рецидива, и праздники занимали едва ли не главное место между теми оружиями, которыми отвергнутое язычество могло вести партизанскую войну с побеждающим его христианством» (Там же. С. 33). Подобным образом обстоит вопрос и с православным храмостроительством, освящающий характер которого, особенно в ранней истории нашей Церкви, отмечает историк митрополит Макарий (Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 34).

¹⁴ 2 стихира на стиховне на малой вечерне // Минея ноябрь. М., 1980. Ч. 1. С. 214.

¹⁵ Иванов М.С. Ангелология // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 304.

¹⁶ См., как об этом говорит писатель И.С. Шмелев в главе «Михайлов день», описывая благочестивый быт русского человека конца XIX—XX века (Шмелев И.С. Сочинения в двух томах. Т. 2: Рассказы. Богомолье. Лето Господне. Как я встречался с Чеховым. М., 1989. С. 373–374).

лись однажды увидеть, как подвижнику сослужил святой ангел.¹⁷ В акафисте ему говорится об этом: «Радуйся, удостоившийся во время совершения литургии сослужения ангельского» (Икос 2).

В конце жизни подвижников, перед их кончиной им могли являться святые ангелы. Мученица Татьяна († 226–235; память 12 января) не принесла жертвы языческим богам и за это подверглась мучениям от язычников, но в темнице «к ней явились ангелы Божии и исцелили ее раны»¹⁸. Когда преподобный Алипий Киево-Печерский († 1114; память 17 августа) по болезни не смог написать заказанную ему икону, то ее написал ангел, который затем явился и при кончине подвижника¹⁹. В конце жизни благоверной Евдокии Московской († 1407; память 17 мая) было видение святого небожителя. «Явившийся ангел возвестил ей о близкой ее кончине. Она онемела после сего видения и знаками давала понять, чтобы написали ей ангела; два лика ангельские поданы были ей, и она не была довольна; когда же подан был образ Архангела Михаила, она обрадовалась и стала говорить»²⁰.

Патриарх Ермоген († 1612; память 17 февраля) в послании польскому королевичу Владиславу в 1610 году, приглашая его на московский престол, говорит о необходимости принятия им православного Крещения и добавляет: «...[на] небеси о крещении твоём ангелы и вси святии возвеселятся»²¹. Позднее святитель Ермоген в послании ополченцам, подошедшим к Москве, говорит о помощи Божией русским людям и добавляет: «...и ан-

гелы наши хранители неотступно нас хранят»²².

Почитание ангела-хранителя нашло отражение в иконографии. «Ранние русские иконы святого ангела-хранителя с деяниями известны с XVII века... Литературным источником для подобных икон послужило “Слово от видения святого апостола Павла”, известное в списках XVI века, в котором рассказывается, как ангелы-хранители являются пред Богом с деяниями человеческими, о смерти праведника и грешника»²³. В клеймах иконы изображены следующие сюжеты: Господь заповедует Ангелу хранить человека; Ангел Хранитель приносит Богу ответ о добрых делах человека; Ангел Хранитель с плачем глаголет Богу о грехах человека; Ангел Хранитель относит душу праведника в рай; Ангел Хранитель предстоит за трапезой праведных...²⁴. На иконе Ангел Хранитель Московской школы середины XVI века изображено, как ангел «охраняет от дьяволов крестом спящего человека и мечом молящегося»²⁵.

Архангел Михаил – покровитель воинов на Руси. Иконографическо-богословское наследие середины XVI века «по праву может называться “пиршеством” ангельской иконографии»²⁶. Наглядным примером этого явления были два ансамбля росписей в Москве – в Архангельском соборе и соборном

храме Чудова монастыря²⁷. Кроме того, митрополит Макарий († 1563; память 30 декабря) собрал в созданных им Великих Минеях «огромные пласты литературных произведений, входивших в проложные сказания, посвященные празднованиям дней бесплотных»²⁸ сил.

Поэт М.Ю. Лермонтов в 1831 году написал замечательное и трогательное стихотворение «Ангел»:

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой. <...>*

*Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли»²⁹.*

Почитание святых ангелов нашло отражение в устной словесности. В. Даль приводит несколько поговорок русского народа, связанных с ангелами-хранителями: «Ангел за трапезу. Доброму делу и ангелы небесные радуются. Где просто, там ангелов со сто, а где хитро, там ни одного... Его ангел-хранитель спас, уберет»³⁰.

О святых ангелах и их служении свидетельствуют древние монахи-аскеты. Авва Исаия говорит: «...кому сорадуются ангелы в делах его, тот познал, как сорадовались ему демоны, когда он делал дела их»³¹. Древний подвижник, авва Евагрий, приводит душеспасительное наставление: «После Бога больше всех надо любить иереев, очищающих нас святыми таинствами и молящихся о нас; старцев же своих должны мы чтить как ангелов»³².

²⁷ Там же. С. 237.

²⁸ Там же. С. 239.

²⁹ Острогорский В. Родные поэты для чтения в классе и дома. М., 1888. С. 207; Религиозные идеи в русской поэзии. Сборник стихотворений. Тифлис, 1900. С. 70.

³⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 16.

³¹ Добротолюбие в русском переводе дополненное. Изд. 4. М., 1905. Т. 1. С. 371.

³² Добротолюбие в русском переводе. М., 1910. Т. 1. С. 590.

¹⁷ Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. СПб., 2008. С. 545; Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 384–386.

¹⁸ Настольная книга священнослужителя. Т. 2: Месяцеслов (сентябрь – февраль). М., 1978. С. 488.

¹⁹ Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. СПб., 2008. С. 456; Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. Київ, 1991. С. 178–179.

²⁰ Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. СПб., 2008. С. 383; См. также: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 410.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 449.

²² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1836. С. 288.

²³ Слово и образ. Русские житийные иконы XIV–XX века. Каталог выставки. М., 2010. С. 16. «Слово от видения святого апостола Павла» см.: РГБ. Ф. 247. Собрание Рогожского кладбища. № 608. Сборник поучений и сказаний. Середина XVI в. С. 229 об. – 250 об.

²⁴ Слово и образ. Русские житийные иконы XIV–XX века... С. 16. См. также: Ангел-хранитель. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 309.

²⁵ Антонова В.И.; Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 2. С. 281.

²⁶ Яковлева А.И. Почитание Архангела Михаила в Москве эпохи Ивана Грозного и Троицкая икона Архистратига Михаила с деяниями ангелов // Искусство христианского мира. Сборник статей. М., 2017. Вып. 14. С. 232.

Народный епископ из Партенита

Новые записки крымского паломника

Всякий раз, проезжая по южному берегу Крыма и наблюдая, как в окне автобуса медленно всплывает могучая громада Аю-Дага, я вспоминаю из Лермонтова: «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана...». Действительно, над Аю-Дагом нередко клубятся облака причудливой формы и необычных цветовых оттенков. Мне порою кажется, что это воздушные фигуры ангелов, спящих на макушке горы и бережно укрывающих ее склоны от солнца Тавриды. А еще Аю-Даг очень похож на огромный купол, и, наверное, многие христиане, любясь им, не раз мысленно венчали его главным символом своей веры – крестом. С VIII века на Аю-Даге стали появляться первые монастыри, поэтому и дали этой горе название – Святая. У ее подножия начал свое служение один из самых известных христианских подвижников средневекового Крыма – Иоанн Готский. Когда в его родные места вторглись хазары, святой Иоанн возглавил восстание против захватчиков. Давайте и мы отправимся к Святой горе, чтобы вспомнить ту далекую от нас эпоху.

К восточным склонам Аю-Дага, заросшим дубом и грабом, пристроился городок Партенит. Первые упоминания о нем относятся к VIII веку. Название происходит от греческого слова «партенос», что означает «дева». Несмотря на столь нежное и романтическое имя, первых обитателей Партенита отличали деловая хватка и предприимчивость. Эти качества помогли создать здесь крупное торжище. Но даже самые занятые время от времени прерывали работу и обращали лица в сторону Аю-Дага. Причиной было ангельское пение монахов, доносившееся из христианских обителей на склонах Святой горы. Отражаясь от скал и леса, как в грандиозном храме, созданном самой природой, пение иноков многократно

усиливалось и громким эхом разносилось по окрестностям.

Этой гармонией не раз наслаждались и Лев с Фотиной – благочестивые супруги, жившие в Партените во время правления византийского императора Льва III Исавра (годы царствования – 717–741). Лев и Фотина очень любили друг друга, жили в мире и достатке. Лишь одно огорчало супругов: у них не было детей. Однако они не падали духом, усердно молились Богу и не теряли надежды.

Фотина обещала Господу: если родится сын, она посвятит его служению Всевышнему. И чудо произошло – у супругов появился долгожданный ребенок. Нарекли его Иоанном. Торговые корабли, заходившие в бухту Партенита,

доставляли не только товары, но также и книги, богослужебную утварь, произведения искусства. По всему Крыму из уст в уста передавались предания о миссионерской деятельности, подвигах и чудесах святого мученика Климента Римского, отбывавшего ссылку в Инкерманских каменоломнях под Херсонесом в годы правления римского императора Траяна. По дорогам Тавриды от монастыря к монастырю, из города в город странствовали проповедники, воодушевлявшие народ яркими рассказами о деяниях первых христианских подвижников. Все это не могло не коснуться и юношеской души Иоанна.

Молодость Иоанна Готского совпала с периодом бурных религиозных и общественных потрясений в жизни Византийской империи. В VIII веке разыгралась драма, вошедшая в историю под известным названием «иконоборчество». Первым византийским императором-иконоборцем считают Филиппика Вардана (годы правления – 711–713), представителя знатного армянского рода. Уже упоминавшийся нами император Лев III Исавр также снискал репутацию борца с христианством. По его указанию иконные изображения, а также фрески с религиозными сюжетами во многих храмах замазали краской. К сожалению, преемником отца стал и его сын – импе-

ратор Константин V Копроним (годы правления – 718–775).

Сын Льва и Фотины свой выбор сделал – всей душой и сердцем он принадлежал к тем, кто почитал святые иконы и воспринимал веру во всей ее полноте. В 754 году произошло событие, определившее дальнейшую судьбу Иоанна Готского. Император Константин V Копроним созвал иконоборческий собор, незаконно присвоив ему статус Вселенского. От Крымской Готии (государственное образование в средневековом Крыму), на территории которой находился Партенит, на этом сомнительном форуме присутствовал некий епископ, который поддержал решения лжесобора, объявившего почитателей святых икон нарушителями закона и врагами веры. Власти Византии за это повысили его в должности.

Жители Готии, в большинстве своем сохранявшие верность почитанию икон, должны были найти себе нового

епископа – истинного христианина. Они рассуждали между собой так: «Братие, что нам пользы принять волка вместо пастыря, не лучше ли есть для спасения душ наших умолить инока Иоанна быть нам во отца духовного и священноначальника, ибо он превосходит добродетелью не только своих сверстников, но и старейших возрастом».

Тот факт, что жители Крымской Готии называли сына Льва и Фотины иноком, говорит о том, что им уже был принят монашеский постриг. Народное избрание Иоанна епископом Готии представляет собой уникальный случай в практике Православия, поскольку во епископа мог рукоположить только вышестоящий иерарх. Для Иоанна начинается скитальческая жизнь. Первым делом он совершает паломничество в Святую землю. Три года Иоанн прожил в Палестине. Затем он идет в один из самых авторитетных духовных центров Православия – в Закавказье, в Мцхету,

где католикос Иверии (Грузии) рукоположил его во епископа Готии.

Вернувшись домой, Иоанн целиком отдается пастырскому служению. В своем отечестве он более тринадцати лет окормляет вверенную ему паству. Из-за моря к нему стекались гонимые почитатели святых икон. Для всех находилось место в гостеприимных крымских горах, и всем находилось дело: монахам – молитва, бдение, служба Божия, рукоделие, переписывание богослужебных книг, постничество; мирянам же – возделывание земли, различные ремесла и иные праведные труды. Недаром говорит о святом Иоанне его житие: «Он священникам и монахам был как брат, народу же как отец, по слову Господню к апостолам: “Первый в вас да будет всем слуга, начальствующий – яко начальствуемый, преизящный – яко последний”». Прилагал святитель попечение об устройении храмов Божиих и украшении их, о науче-

Останки средневекового храма в честь первоверховных апостолов Петра и Павла. Прежде на этом месте был монастырь, основанный Иоанном Готским

*Церковь иконы Божией Матери «Всецарица» в Партените.
Ее нижний храм освящен в честь свт. Иоанна Готского*

нии отроков и мужей истинной вере, отыскивая повсюду полезные книги.

Смыслом жизни Иоанна Готского было жертвенное служение пастве, своим соотечественникам. С особой силой это проявилось в условиях военнополитического кризиса, причиной которого послужил захват хазарами главной крепости Готии – Дороса. Житие святого Иоанна повествует о том, что «ворвавшись в Готию, хазары, как туча саранчи, захватили столицу сей христианской страны – город-крепость Дорос. Крепость эта, воздвигнутая более природой, нежели искусством зодчих, возвышалась как нерукотворный город между небом и землей. Ее обильно орошали водные источники, стекающие со скалы, а за ее надежными стенами скрывались дома властителей и простолудинов, хранилища, виноградные точила. Главное же богатство крепости составляли базилики с полукруглыми алтарями и пещерные монастыри».

Захватив крепость, хазары поставили в городе сторожевой гарнизон, и отныне князь Готии должен был сделаться вассалом Хазарского каганата. Житие святого Иоанна ярко воспроизводит драматическую картину тех событий: «Святой Иоанн, как добрый пастырь, не желал, чтобы городом христианским владели злочестивые хазары. Он воодушевил на борьбу с врагом весь народ, князя Готии и ее

начальников-архонтов. Жители страны Дори, сплотившись вместе, изгнали захватчиков. Но посреди гор Таврии оказалось одно селение, имевшее выгоду от мира с хазарами. Его жители выдали епископа Иоанна врагам. Народ же, лишившись своего духовного воеводы, счел за лучшее сдаться на милость кагана. Господина Готии и весь народ каган пощадил, но семнадцать рабов обезглавил без вины, преподобного же Иоанна заключил в тюрьму в Фуллах».

До сих пор окончательно не ясно, где находится тюрьма, в которую был брошен Иоанн Готский. Скорее всего, в восточной части крымского полуострова. Отсюда Иоанну удалось бежать на противоположный берег Черного моря, в Амастриду, где он прожил еще четыре года и скончался, вероятно, в начале 90-х годов VIII века. Житие Иоанна Готского утверждает, что святитель прозорливо предсказал день своей смерти. В назначенный срок «святой Иоанн в Амастриде поучал народ,ставляя его к душевному спасению, и

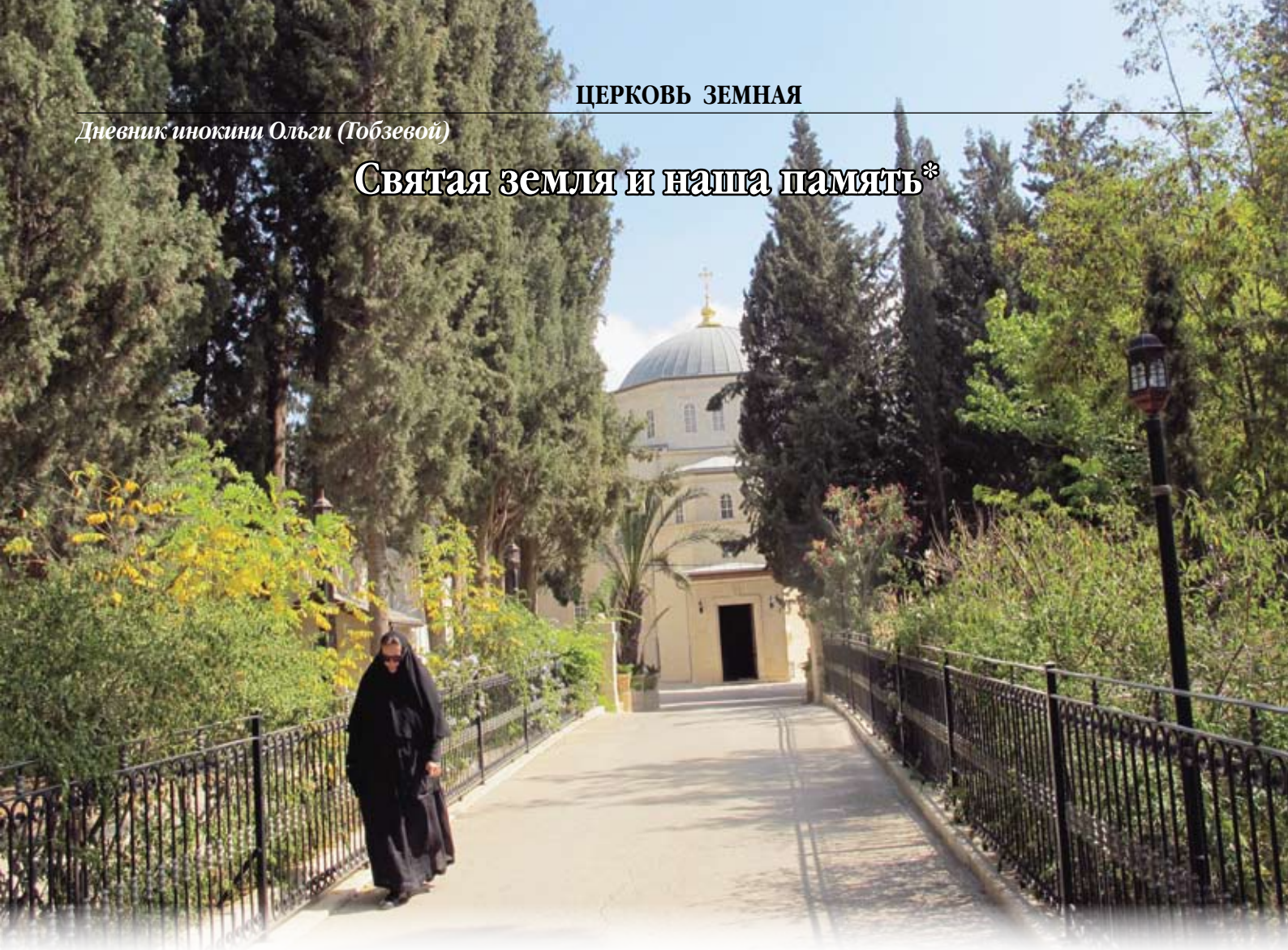
в это время предал дух свой Господу». Тотчас же по успении святителя Иоанна к амастридской пристани причалил корабль, готовящийся отплыть в Партенит, что также предсказывал святой перед кончиной. Тогда святитель Амастридский Георгий положил тело блаженного Иоанна во гроб и вместе со всеми жителями города проводил на корабль со свечами, фимиамом и пением. Так состоялось возвращение святого Иоанна в свой родной город.

В 60-е годы XIX века в Партените обнаружили древнюю христианскую базилику. Это был храм монастыря первоверховных апостолов Петра и Павла, основанного святителем Иоанном на своей родине. Сегодня это святое место тщательно охраняется и оберегается. Археологи ведут здесь свои научные исследования, священники крымских православных храмов совершают богослужения, а местные жители и паломники молятся святому, положившему свою жизнь и душу за своих братьев по вере.

Теперь об этих страницах истории напоминает знак, установленный на месте апостольского храма в 1996 году

Святая земля и наша память*

Успеваем на вечернюю службу в Горненский монастырь. Удалось исполнить свое давнее желание примириться с матушкой Георгией, хотя вроде бы и не ссорилась. В начале своего иночества я вызывала раздражение у некоторых священнослужителей и за прежнюю актерскую профессию, и за излишнее «старание» в служении. И вот на одной из служб в Богоявленском соборе, что в Елохове, матушка Георгия, игуменья Горненской обители, выразила недовольство моей «переменой участи». И теперь перед помазанием я подошла к ней под благословение: «Простите». Матушка, похоже, меня не узнала, но потом по ее поведению поняла: что-то промелькнуло. Надеюсь, и простила!

...Почему-то вспомнилась поездка в Николо-Шартомский монастырь к старице Любушке. Связи вроде бы никакой, а вот пришло на память. Значит, был в этом смысл. Поехали вместе с афонски-

ми монахами, которые хотели вызнать, возвращаться ли им в Россию. Отворилась дверь, и полная женщина неприветливо кивнула нам: «Проходите».

Маленькая сторбленная фигурка сидела на кровати среди множества подушек. Первыми обратились к ней монахи. В ответ слышали: «Не знаю, не знаю. Здесь гнева много». Когда подошла я старица стала мелко крестить меня от головы до груди. «Мажь здесь маслицем, мажь, и перестанешь кашлять!». Поцеловав ее маленькую руку, я села у двери. Любушка подняла голову, замотанную шерстяным платком, посмотрела в мою сторону, и я не поверила своим глазам: вместо укутанной старушки я увидела чистое, светлое, почти девическое лицо с узким подбородком и огромными орехового цвета глазами. Комната расширилась. Любушка смотрела на кого-то, кого я не видела, но этот кто-то стоял между нами, и она с ним о чем-то тихо говорила. А потом произошло и вовсе необъяснимое. Монахи, которых я просила довести меня

до Москвы, а они мне отказали, вдруг сами предложили взять меня с собой. Это было мне так важно, потому что дома остался сын. Отчего мне все же вспомнился этот эпизод? Наверное, как еще одно подтверждение того, что Господь всё управляет к нашей пользе.

Только подъехали под вечер к Гефсимании, только увидели обломок колонны, которым обозначено место Иудина поцелуя, только поднялись к храму святой равноапостольной Марии Магдалины, как новый толчок памяти.

...Более двадцати лет назад в Октябрьском зале Дома Союзов воспитанники первой в Москве воскресной школы участвовали в «Царском вечере». Французские занавеси на окнах зала заметно шевелились, хотя, как вы понимаете, никакого ветра быть не могло. Настя, девочка лет десяти, читает житие святой мученицы Елизаветы. Великая княгиня Елизавета Федоровна в октябре 1888 года присутствовала на освящении храма, где находимся сейчас мы и где почивают теперь ее

* Окончание. Начало в № 2.

мощи. Но помнится не только это! Накануне того вечера, 5 апреля 1992 года, великая княгиня была канонизирована Русской Православной Церковью. Почему, собственно, владыка Питирим и благословил тогда устроить «Царский вечер». И помещение оказалось совсем не случайным: Дом Союзов – это бывшее Дворянское собрание! «Почему так сильно развевались занавески?» – спросили дети владыку. «Это приходили к нам Царственные мученики».

Лучи вечернего солнца попали на край раки с мощами великой княгини, скользнули по белому мраморному иконостасу, упали на пол. За свечным ящиком послушница приняла у меня записки и посоветовала: «Пойдите к нашей чудотворной иконе Божией Матери, помолитесь Ей!». Подошла и, как в молитве митрополита Московского Филарета, начала: «...не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты одна ведаешь, что мне нужно... но позволь мне вернуться сюда...».

Паломничая по Святой земле, вдруг обнаружила, что многие страницы моей жизни раскрываются здесь совсем иначе. Прерывистая цепочка событий объединилась в одно целое – в ткань Промысла Божия!

– Зайди, зайди, проведу тебе экскурсию, – зовет меня в Напольную школу необъятная сторожиха Вера. – В этой, первой, комнате была охранка, сейчас она моя. В эту, большую, поместили Сергея Михайловича – великого князя. Во вторую, кажется, Иоанна Константиновича и Игоря Константиновича. А в следующей комнате были Владимир Палей и Константин. А в этой, угловой, комнате – княгиня Елизавета с Варварой.

– А где был Федор Ремез? – спрашиваю я.

– Да вот здесь. Теперь это школьный туалет.

Выхожу темным коридором, из окон которого свет уличных фонарей рисует на полу косые полосы.

Это был первый месяц моего настоятельства в Алапаевске. Остальные восемь – каждую ночь будто ехала по черной дороге вместе с великими мучениками в Синячиху, к шахте, к ее краю...

Несколько лет подряд осенью посещала китайский Харбин, через который игумен Серафим (Кузнецов) вез тела

мучениц великой княгини и инокини Варвары. После недолгого пребывания в Пекине их доставили в Иерусалим по желанию сестры Елизаветы Федоровны, принцессы Виктории.

В Харбине наша группа, которая состояла из известных кинематографистов, подписывала петиции к Святейшему Патриарху, к президенту о необходимости возобновить литургическую жизнь в последнем православном приходе храма Покрова Пресвятой Богородицы. Теперь, слава Богу, там есть православный священник и регулярно проходят службы.

Спустились в Гефсиманский сад, к восьми оливам, которые, по преданию, помнят Иисуса Христа. Утешением было войти в храм Гефсиманской молитвы, где соединились и смертная тоска в молитве Спасителя, и умиротворение чувств, которые охватывают паломников, входящих в храм. Дух замирает, когда оказываешься внутри под куполами, которые символизируют учеников Христа – двенадцать апостолов. Убранство храма под стать архитектуре великолепной базилики Гефсиманской молитвы.

Вифлеем, куда въехали к вечеру, открылся совсем иначе, чем Иерусалим. Разместились в арабской гостинице, которая называется «Дом хлеба», и оказалось, что приехали домой. В большом многоэтажном отеле наша группа оказалась единственными постояльцами. Мы сдружились за время нашего паломничества. И теперь, когда подошли к базилике Рождества Христова, представляли собой одно целое и не потерялись в густой, пестрой толпе.

О Рождестве Христове, о Вифлееме, о волхвах оставались еще детские представления, и теперь, когда попала в сумрачную базилику, растерялась. Не знала, куда смотреть: и колонны с кедровыми и кипарисовыми стропилами, и древняя мозаика. Мозаичный пол, сохранившийся, как говорит отец Роман, от более древнего храма, воздвигнутого святой царицей Еленой, мерцает в сумерках. Разноязыкий гул толпы подчеркивает неземную реальность базилики.

...Восьмого января в Издательском отделе Московского Патриархата владыка Питирим отслужил Божественную литургию, после которой дети с пением

Рождественского тропаря и с вифлеемскими звездами прошествовали в зал. Отличилась Настенька. Мой сын подарил ей большую сделанную из прозрачной золотистой слюды звезду, в которую вмонтировал лампочку, и она зажигалась, если нажать кнопку на батарее. Настя, в платье апельсинового цвета, с горящей вифлеемской звездой шла впереди процессии и тоненько пела: «Рождество Твое, Христе Боже наш...».

Ранним утром мы склонили головы перед Вратами смирения и вошли в базилику Рождества. Священник-грек взял у нас заготовленные записки. Храм, накануне кишаший людьми наподобие пчел, вырвавшихся из колонн, теперь тих и почти безлюден.

Прежде чем спуститься в Пещеру Рождества Христова, подошли к иконе с улыбающейся Богородицей, призывающей нас порадоваться с Нею о Рождестве. Гуськом спустились к престолу и склонились к серебряной звезде, обозначающей место Рождества Христова. Люди непрерывным ручьем втекают в Пещеру, а там тихо, будто никого нет. Поднявшись по «армянской» лестнице, мы очень не хотели растерять эту тишину.

Мы едем еще южнее, в Хеврон! Как мне хотелось попасть к Мамврийскому дубу! Как-то мой друг Володя подарил желудь от Мамврийского дуба, и я посадила его на даче. Не думала, что вырастет. Но он вырос! Однако во время прокладки газопровода его срубили и выбросили. Теперь, подъезжая к Хеврону, все думала о желудях Мамврийского дуба. Рождаются ли они еще?

Мы поднялись к русскому монастырю Пресвятой Троицы. Предстояло передать знак Императорского Православного Палестинского Общества наместнику Троицкого монастыря игумену Парфению. Отец наместник благословил нас, и мы опять устремились к Мамврийскому дубу.

Это священное древо охраняет потомственный шейх из местных арабов. Маленького роста худощавый человек сразу объявил, что у него двадцать детей. От чадолубивого отца я и получила бесценный подарок – горсть дубовых желудей!

Последняя ночь в Иерусалиме. Оставив вещи в гостинице, отправляемся в Старый город. Мои спутни-

Чтобы попасть в Царство Небесное, нужно продирается сквозь «игольные уши» всю свою жизнь

ки — князь Григорий Григорьевич Гагарин и добрая подруга Надежда, которой местный врач исцелил больной зуб. Молодой араб зазвал нас в лавку, где все продавалось, как он уверял, со скидкой. Подошла к витрине с украшениями. Надо выбрать подарок внучке, которой через неделю исполнялось 18 лет. Глаза остановились на ожерелье из старого арабского серебра. Вспомнилась царица Савская. Наверное, на ней было украшение, чем-то похожее на это ожерелье. Оказалось, что таких денег, которые просил продавец, у меня нет. И тут раскрылся талант торговаться у Надежды! Она сумела сбить цену более чем вполтину, и мы купили подарок!

На улице присели за столик, вытянув уставшие ноги, заказали кофе и привычные гранатовый сок. Григорий Григорьевич рассказывал всякие увлекательные истории, а я думала, что впервые на Святой земле мне открылось, что все мои иноческие горести, связанные с гонениями, с клеветой, с предательством, не имеют значения! Все может меняться, но неизменной останется святая земля Палестины.

Последний пункт на карте паломника — Яффа. У ротонды с иконой святой Тавифы прошу ее принять меня и прикладываюсь к раскрытой книге у подножья. Возле храма, справа от церковной лавочки, улыбающийся священник благословляет и спрашивает: «Матуш-

Священное дерево, Мамврийский дуб, и его охранитель шейх, рядом с которым автор очерка

ка?». Я киваю. «С днем рождения! С Новым годом! Ведь день рождения — то же самое, что и Новый год!». Я благодарю батюшку и думаю, что он, верно, спутал меня с другой какой-то матушкой. А потом думаю: может, в самом деле у меня начинается новый год!

Попугай что-то слишком раскричался на высоком дереве. Очень красиво. Куст, мимо которого иду, залит малиновыми цветами. Спускаюсь вслед за нашими паломниками к гробнице святой Тавифы. Темно, едва различаю крест. Все прикладываются, я захватываю горсть песка и прячу в карман. «Девница, встань!» — будто звучит в полумраке.

По молитвам моего отца — Фрола Акимовича — я тоже встала на своей кровати, в детстве, когда умирала от двухстороннего очагового воспаления легких. Отец на коленях молился перед маленькой иконой Спасителя. Увидела Спасителя во весь рост, глядящего на меня; и поверх красного хитона на Нем был голубой, как на иконе. Только почему-то сквозь Него видела маму, которая спешно одевалась. «Крест-накрест», — стала повторять за кем-то невидимым. — «Крест-накрест».

Этим летом в больнице РАН была пережита еще одна победа над смертью. В реанимации умирал мой друг, поэт. «В день печали, нашедший на ны, — читаю канон за болящего, — к Тебе, Христе Спасе, припадающе, Твоя ми-

лости просим, облегчи болезнь раба Твоего...» и «...Ты бо еси Петром Тавифу воскресив, Ты и ныне в болезни лежащего воздвигни...». За высоким лбом моего друга, как на картине, вдруг увидела невероятную битву двух Гигантов. Он дышал очень тяжело и порывисто. Что-то сильное, могучее происходило на моих глазах... испугалась, не повредила ли своим чтением... но дочитала до конца. Смертью смерть поправ!

Когда подошли к дому Симона кожевника, к тому самому, где святому апостолу Петру на крыше трижды было видение от Господа, то большие железные ворота заскрипели, стали медленно открываться и показалось лицо улыбающейся армянки — нынешней хозяйки дома — того, где святой апостол Петр молитвами воскресил святую Тавифу.

На скамейке в тени сижу, и мне весело после воздушных поцелуев хозяйки. На пальму вскользнула маленькая ящерка и замерла, греясь на солнышке. Может быть, здесь на лавочке отдыхал и Антон Дмитриевич, мой прадед? И может быть, он тоже любовался на ящерку? «Какая вы, матушка, счастливая!..» — сказал паломник Димитрий, проходя мимо.

Фото Надежды Смирновой, автора и паломников, чьи имена, к сожалению, не удалось узнать

Имя Марины Захарчук хорошо знакомо читателям журнала. Под рубрикой «Из дневника сельской матушки» мы напечатали серию ее очерков о том, как живет деревенскому священнику и его семье в самой что ни на есть российской глубинке – селе Новенькое Курской области.

А теперь сельская матушка написала книгу. И назвала ее поэтично и красиво: «Не говори с тоской: их нет». Ее можно назвать беллетризованной автобиографией. Рукопись рассматривают в издательстве, и очень хочется верить, что она увидит свет уже в виде самостоятельной книги. Сегодня мы предлагаем вам одну из глав. Постараемся опубликовать еще фрагменты.

Алюминиевые кольца

Как я уже писала, торопиться с женитьбой мы не планировали, хотелось сначала обоим закончить учебу (Лука поступил-таки в 1 класс Ленинградской духовной семинарии, и уже через пару месяцев его экстерном перевели во 2 класс). Но после конфликта дома («Или он, или мы» – сказали там) мне было решительно некуда ехать на последние летние каникулы. Явиться на лето в семью будущего свекра, да еще в деревню, да еще к священнику, – это по тем временам было не просто странно, а совершенно невозможно. В студенческом общежитии оставаться тоже нельзя, летом его отдавали приезжим стройотрядам. Так и пришлось мне в конце четвертого курса выходить замуж.

Лука уехал на родину первым, незадолго до Пасхи, и оттуда прислал мне в общежитие телеграмму, рассмешившую всю общагу (телеграммы лежали на вахте, и каждый проходящий брал их в руки, чтобы посмотреть, не ему ли адресовано. Когда я вернулась после занятий и библиотек, меня встретил дружный хохот. В телеграмме пропечаталось: «Подал заявление в ЗАГС. Роспись приблизительно 10-го. Если хочешь – приезжай. Не забудь паспорт».

И я поехала, не дожидаясь означенного срока. Родители Луки о предстоящем

событии не знали: хоть и согласились они с доводами владыки Михаила, а лишний раз волновать их не хотелось.

Все в доме готовилось к Пасхе. Она была в тот год ранней – 6 апреля. Мы встретили ее, как положено, в храме. А потом вместе с отцом Авксентием и матушкой Татьяной ходили с поздравлениями по домам, служили на кладбищах в своем и окрестных селах, возвращались к ночи и падали без сил. Так я впервые прикоснулась к «пышным поповским хлебам». На второй день Пасхи внезапно приехал мой отец. Он прибыл в наше питерское общежитие сразу после моего отъезда и вместе с одним из моих однокурсников, вызвавшимся его сопровождать, отправился вдогонку. Пробыли они у отца Авксентия два дня, о чем-то говорили и в конце концов объявили нам, что договорились о свадьбе через год. Мы молча переглянулись, но не сказали о назначенной сельсоветом дате регистрации. С тем мой отец и уехал, успокоенный.

И вот – 10-е. Я еле дождалась утра. Но... входит отец Авксентий и объявляет, что мы немедленно едем на целый день в отдаленную деревню. Все пропало! Мир рушится! А ведь мы уже съездили к благочинному и договорились о венчании

на 16 апреля! Но в семье священника спорить с отцом не принято. И весь этот солнечный день мы мотаемся по похоронам и кладбищам. А на следующий день – снова служба. И только после обеда, когда родители легли отдохнуть, мы мчимся в сельсовет. Там Лука объясняет ситуацию по-украински (в этой деревне на границе с Молдавией никто не говорит по-русски) и спрашивает, когда же теперь можно будет расписаться. «Чэрэз годыну», – слышу я ответ и, бледнея, опускаюсь на стул. Через год?! Работница сельсовета смотрит на меня и понимает мое смущение по-своему. «Ну, як що нэ успіе́тэ чэрэз годыну, то можна чэрэз дві годыны». А Луку разбирает смех. Оказывается, «годына» – по-украински это час. Один час дают нам на сборы! А сборов-то всего – разбудить родителей и ошарашить их новостью. Отец Авксентий встречает известие стойко. Велит матушке собрать корзину снеди, берет бутылку коньяка, и мы, провожаемые любопытными взглядами, шествуем с этой корзиной в сельский совет. «Дружек» у нас нет, поэтому засвидетельствовать наши подписи приходится самим сотрудникам администрации. Нам вручают свидетельство о браке, коряво выписанное шариковой ручкой по-

Если бы свадьба наших героев была сегодня, а не почти 40 лет назад, они бы наверняка венчались в одном из этих красавцев храмов Тульчина – Успенском (слева) или Христорождественском. Но тогда пришлось довольствоваться тем, что было, – маленькой церковкой возле автовокзала. Правда, счастья от этого у них не ubyло

А вот как это было тогда, в 1980-м

украински (ох и намучились мы за жизнь с этим свидетельством: везде требовали перевод на русский, а и знатокам украинского нелегко было разобрать витиеватую надпись с незнакомыми географическими названиями и редким отчеством моего мужа). И тут же, убрав со стола бумаги, конторские работники выпивают коньяк, заедая его куличами с домашней колбасой. Все. Впереди – венчание.

К благочинному мы поехали потому, что от него требовалась справка о состоявшемся венчании для предоставления в семинарию.

Отец Авксентий все же был на нас немного сердит (да и было за что – свадьба без благословения, да еще и без предупреждения!), а мы – немного горды. Поэтому решили быть самостоятельными до конца. От предложенного празднования в районном ресторане отказались. Да и к чему? Друзей наших все равно не было с нами. Выделенными сельсоветом 140 рублями распорядились так: купили Луке костюм и рубашку, а мне – туфли и венчик для фаты. Саму же фату и платье пришлось взять за 25 рублей напрокат у предприимчивой селянки. Сложнее всего было с кольцами. Уже подумывали о том, что придется слепить их из свечного воска. Но мама Луки нашла в сельмаге пару широких алюминиевых колец, покрытых краской под золото – по 50 копеек за штуку. И это чудо пришлось нам обоим в пору и целую неделю потом сияло, как настоящее золото! Сегодня они, потускневшие и посеревшие, хранятся у нас в шкапулке, увязанные в

скромный носовой платок, бывший у Луки в кармане во время венчания...

Ночь накануне венчания почти не спали. Оба мучили свои головы на жестких подушках. Я накрутила мокрые пряди на бигуди, а Лука, наоборот, вымыл голову, стянул ее платком, чтобы волосы остались прямыми (у него была пышная кудрявая шевелюра, смахивающая на завивку в парикмахерской). Из этой затеи, конечно же, ничего не вышло: мои волосы не высохли и повисли сосульками, а обычно крупные локоны жениха свернулись мелкими колечками и походили на баранью шерсть.

До районного городка Тульнин Винницкой области, где служил благочинный, добираться приходилось автобусом больше двух часов. А до трассы, по которой ходил этот автобус, из села, где служил отец Авксентий, – около часу хода. Чтобы попасть к назначенному времени венчания, пришлось встать в четвертом часу утра. В резиновых сапогах, обхватив узелки с одеждой, прошлепали три километра по грязи, дождались автобуса и прибыли наконец пред очи отца благочинного. В храме был жуткий холод (церкви в ту пору не отапливались), но я наотрез отказалась венчаться в пальто. Мне повезло: моей восприемницей на венчании была сестра Луки Нина, приехавшая из Ленинграда ночным поездом. А вот в восприемники пришлось пригласить единственного в церковном хоре мужчину. Вместо того чтобы держать венец над головой жениха, он надел его на голову Луки да и сам за него держался, оттягивая голову назад. После венчания – легкая тра-

пеза на церковном дворе, где хоть и лежал еще снег, но светило апрельское солнышко и было теплее, чем в храме. И тот же автобус и пеший переход – домой.

Через день я возвращалась в Ленинград, одна, с начинающимся воспалением легких (которое, впрочем, быстро вылечили). Мой муж, уладив дома какие-то дела, вскоре тоже вернулся в Питер. И началась наша супружеская жизнь... в разных общежитиях: денег, чтобы снять квартиру, у нас не было, да и проблематично это в конце учебного года. Зато теперь я вполне законно могла отправиться на летние каникулы к родителям мужа! Но прежде был медовый месяц моей летней практики в Днепропетровске, где редактор «Днепра вечернего» пожалел нас и поселил сначала в гостинице, а затем в комнате студенческого общежития. Жизнь налаживалась.

В сентябре мы вернулись в Питер. И снова – каждый в свое общежитие. Помощи ждать было неоткуда, выход оставался один – работать. Но где и как? Воспитанники семинарии имели в день не больше двух-трех часов свободного времени, да и то каждый раз выход за стены семинарии нужно было аргументировать и получить благословение отца инспектора. Оставалось одно – рукополагаться и ехать на приход. Владыка Агафангел отказал. Владыка Михаил хотя и согласился принять нас в свою епархию, но предупредил, что житье в этой самой бедной епархии РПЦ (он в то время уже перебрался в Вологду) очень тяжелое и что лучше уж для начала «завербоваться на БАМ». И тогда мы поехали в Курск.

Отец Авксентий с сыном – отцом Лукой Захарчуком

Братья милосердия

Когда их ровесники делали мучительный выбор между белыми и красными, они выбрали Бога

Помню, как в юности, читая книжки о Гражданской войне, восхищался своими ровесниками, которые, как Аркадий Гайдар, в 17 лет командовали полками. Немало таких юных командиров было и у «беляков». Как-то не думалось, что мог быть и третий путь, не менее опасный и жертвенный, – мирного стояния за правду. Его избрали немногие, но он-то и оказался ближе всех к правде Божьей.

Мне хочется рассказать о двух юношах, сделавших 100 лет назад своей решительный выбор. Они не были знакомы, но могли видеть друг друга в начале 1920-х годов на богослужениях патриарха Тихона, которого каждый из них знал лично.

Сергей Военский:

«Человек духовный горит священным огнем...»

1917 год застал Сергея Военского выпускником Императорского Александровского лицея (того самого – бывшего Царскосельского, пушкинского!) и вольноопределяющимся лейб-гвардии Гренадерского полка.

«В эмиграции иеромонах...» – сообщает о нем справочник-мартиролог «Офицеры российской гвардии». Но только недавно выяснилось: Сергей уехал не в эмиграцию, а на Русский Север. Чтобы служить там уже не царю земному, а Царю Небесному.

Вот что мне написала о нем Галина Рыжкова, преподаватель воскресной школы Казанского храма города Никольска:

«Сергей Военский родился в 1897 году в Петербурге. Он и его мать Ольга Романовна оказались в нашем городе, в Никольске, случайно – из голодного Петрограда ехали к родственникам в

Саратов. Это было в 1919 году. Отец, Константин Адамович Военский (тоже выпускник Александровского лицея, камергер царского двора, историк и археолог), к тому времени был уже в эмиграции – служил библиотекарем на Мальте.

По дороге на Волгу Ольга Романовна заболела, и матери с сыном пришлось выйти на станции Шарья. Там они встретились с добрыми людьми, которые посоветовали переждать смутное время в северном уездном городке Никольске. Ольга Романовна стала преподавать в Никольске иностранные языки. Сергей тоже некоторое время работал в школе, ведь он был человеком большой учености¹: кроме Лицея он успел окончить Московский университет и некоторое время работал в Академии наук. В 1920 году Сергей ездил в Москву и встречался с патриархом Тихоном. Очевидно, тогда молодой учитель и недавний лицеист был рукоположен в священный сан. Сергею было всего 23 года.

Молодой священник был причислен к Сретенскому собору Никольска, также служил в Казанском храме, считавшимся приписным к собору.

Религиозная жизнь в Никольском районе после революции была на подъеме. Двое друзей отца Сергея тоже приняли священный сан: учитель, сын урядника Анатолий Шипунов-Княжев и Михаил Шилов, бывший механик торгового флота. К отцу Сергию приезжали крестьяне, духовенство, интеллигенция, монашествующие из дальних деревень и соседних районов. Он всех укреплял и предупреждал от всякого сближения с богоборческой властью. Страдавший туберкулезом, батюшка умер 1 декабря 1924 года. Перед смертью он принял монашеский постриг с именем Серафим. Его похороны проходили при огромном стечении народа. Могила его стала местом паломничества. Отец Сергей еще при жизни почитался как святой, к нему обращались за молитвенной помощью, за исцелением.

Спустя шесть лет, в 1930 году, власти сочли Сергея Константиновича Военского... главным организатором анти-советской деятельности в Никольском районе. Все близкие батюшке люди – 53 человека – были арестованы, 17 из них расстреляны, в том числе мать отца

Храм Казанской иконы Божией Матери в Никольске

¹ В архиве Мемориального музея-лицея сохранилось сочинение Сергея Военского «Психологические основы учения Канта».

Сергия, Ольга Романовна, а также его друзья священники Михаил Шилов и Анатолий Шипунов-Княжев...».

Галина Рыжкова прислала мне то самое письмо духовным чадам, где отец Сергей объясняет, какой смысл он видит в своей жизни, болезни и смерти. Вот фрагмент из этого удивительного письма, ставшего завещанием 27-летнего пастыря.

«Я должен объяснить мнение, будто я себя истощаю... Это мнение возникло у некоторых добрых людей из сочувствия ко мне и желания здоровья... Моя слабость и болезненность объясняются некоторыми событиями моей прошедшей жизни, а также усиленными духовными занятиями, которые я несу со времени принятия священства. Если бы вы знали, в каких убийственных условиях мне приходилось бывать, например, в некоторых путешествиях, то удивились бы, как такой дряблый и сокрушенный организм, как у меня, остался жив после того. Множество болезней и скорбей, перенесенных мной с самого раннего детства, также служат естественной причиной моей болезненности... И наконец, священное пастырское служение возлагает на человека нелегкие бремена многих людей, что также усиливает и ускоряет жизненное горение организма. Ведь жизнь есть горение... Кроме внешнего естественного горения человек одухотворенный испытывает и внутреннее горение небесного огня, который низводит сам Господь. Человек духовный горит священным огнем. И это горение очищает и просвещает светом Христовым и самого носителя этого огня, и окружающий мир...».

Анатолий Жураковский:

«У маленького человека есть сердце, и в этом сердце таится бездна, которую наполнить может только бесконечное...»

О священнике и поэте Анатолии Жураковском, родившемся в том же, что и Сергей Военский, 1897 году, я узнал из замечательной книги Павла Проценко «К незакатному Свету»². Эта книга — огромный труд. И не потому, что в ней 780 страниц. Проценко отдал книге

40 лет из своих 63-х. Какой же теме, какому герою можно посвятить жизнь?

Эта книга — о расстрелянном в 1937 году в урочище Сандармох на станции Медвежья Гора. Память о погибшем священнике годами вытравлялась. Вспоминать о нем было опасно. 4 июня 1986 года Павел Проценко был арестован за сбор воспоминаний об Анатолии Жураковском и других репрессированных священниках. Тогда письма в защиту Павла написали Андрей Битов, Евгений Евтушенко, Олег Волков, Булат Окуджава, Сергей Аверинцев, Виктор Астафьев и другие выдающиеся деятели отечественной культуры. Через год Павла освободили и реабилитировали.

Наверное, труд Проценко о Жураковском мог выйти и несколькими годами раньше. Но он появился на свет именно в тот момент, когда более всего необходимо и людям, и обществу, и Церкви, — в момент трагического разлада между Россией и Украиной. А священник Анатолий Жураковский был воплощением неразделимости русской и украинской культуры, неделимости ее во Христе.

Он родился в Москве, но с четырнадцати лет жил в Киеве. Отец называл сына «мальчиком, думающим думу». После гимназии юноша, увлеченный поэзией и богословием, учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. В семнадцать лет познакомился с Ниной Богоявленской, и она стала его любовью на всю жизнь. Во время Первой мировой войны Анатолий служил в железнодорожном батальоне. Когда началась революция, ходил по киевским казармам и говорил с ожесточившимися людьми о Боге, о Евангелии, а в ответ слышал: «Поздно вы пришли. Опоздали. Не можем мы теперь ни слушать вас, ни думать, о чем говорите. Почему раньше нам никто о Христе не говорил? Иными мы были бы тогда...».

И это правда, о которой сейчас редко вспоминают: крещенные люди, обучавшиеся в детстве Закону Божию, в большинстве своем ничего не знали о Христе и были православными лишь по анкетной графе «вероисповедание». Не в этом ли одна из причин того, что эти люди шли потом убивать друг друга и крушить храмы? Павел Проценко пишет в своей книге: «В войсках всех противоборствующих сторон Гражданской войны находились номинальные православные. Одна черта объединяла участников противоборства — поспание евангельских заповедей...».

Чтобы проповедовать Христа, юноша готовится к священству (о нем он мечтал с четвертого класса гимназии). Жизнь сводит его с архимандритом Спиридоном. Весной 1920 года Анатолий тяжело заболевает, и врачи признают его безнадежным. Жена Нина и архимандрит Спиридон увозят больного из голодного Киева в село Красногорку, где архимандрит обращается к крестьянам: «Хотите ли вы сейчас увидеть перед собой Христа?» — и, показав на больного, добавляет: — «Вот юноша, помогите выходить его, и среди вас будет присутствовать Христос».

Крестьяне помогли Нине выходить Анатолия, а вскоре в Успенском соборе Киева недавнего студента рукополагают в иерея, и он возвращается в Красногорку священником. Чтобы услышать проповеди молодого батюшки, в село приезжает киевская молодежь. Вокруг отца Анатолия возникает христианская община его ровесников — таких же горячих и ищущих. Людей старшего поколения поражает му-

² Павел Проценко. К незакатному Свету. Москва, Православный Свято-Тихоновский университет и издательство «Эксмо», 2017.

дрость 23-летнего священника: «Ведь он совсем еще мальчик...». Его жена как-то сказала подруге о муже: «Мне странно, что такой маленький мальчик – и всколыхнул такое море жизней – и детских, и старых, и молодых...».

Осенью 1921 отца Анатолия переводят в Киев – настоятелем церкви святой Марии Магдалины. По городу молодой священник всегда отважно ходит в облачении, с крестом поверх рясы.

После ареста патриарха Тихона отец Анатолий Жураковский был единственным священником в Киеве, который вопреки запрету властей во всеуслышание поминал на службах его имя.

В 1926 году, через год после смерти патриарха Тихона, уже вернувшись в Киев из ссылки, отец Анатолий сказал удивительную проповедь, в которой обозначил духовную роль и значение личности патриарха.

Годовщина кончины первосвятителя припала на среду Крестопоклонной недели. В церковке великомученицы Варвары пастырь произнес проповедь о кресте, который приносит душе человека не только муку, но и благую весть о спасении. «Христианство – это религия Голгофы, религия последнего, предельного страдания. В нем должно переплавиться сердце мира... Всякая радость, всякое торжество рождается, приходит в мир и озаряет вечность, только проходя через горнило страданий... В этом христианство». Размышляя о смысле Голгофы, проповедник переходит к судьбе патриарха Тихона. Прошел всего год со дня его смерти, а Жураковский оптимистично утверждает: «Отныне в истории Русской и Вселенской Церкви всеми грядущими поколениями будет отмечаться этот день...».

Он проводит параллель между испытаниями, выпавшими святителю, и мучениями, которые претерпевает вся Церковь. Святейший умер подвергаемый постоянным гонениям и унижениям. День его смерти совпал с великим церковным праздником. Церковь и сейчас продолжает идти дорогой преследований, но ее ждет победа. «Путь его [патриарха] в мире был путь крестный, встретил он на этом пути и клевету, и измены, и предательство, и позор, выпил чашу жгучих и мучительных страданий. Но разве не видим мы уже теперь, как крест ниспосланных ему испытаний, ставший крестом всей Русской Церкви, прорас-

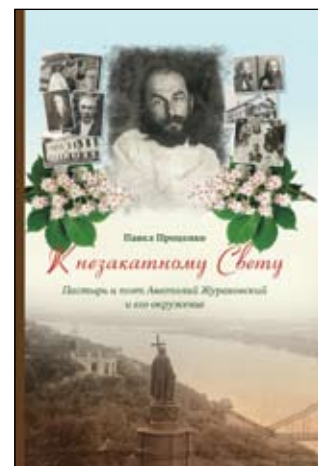
тает на наших глазах белыми лилиями чистого, неподкупного... пресветлого Православия... За днями сомнений и испытаний придут они, дни победного торжества».

Жураковский едва ли не первым выступил против Декларации митрополита Сергия. Молодой киевский священник обратился к верующим с воззванием, которое распространялось в самиздате: «Митрополит Сергей поколебался... И это колебание, как страшный толчок, передается всему Телу Церкви и заставляет его содрогнуться...».

14 октября 1930 года третий арест. Приговор – десять лет лагерей. Свирьстрой, Соловки, Беломорканал... 3 декабря 1937 года – расстрел.

Из всех немногих сохранившихся проповедей отца Анатолия, опубликованных в книге Павла Проценко, одна меня особенно поразила. Она напрямую перекликается с произведением, которое будет написано только через 20 лет, – с «Маленьким принцем» Антуана Экзюпери.

В тот год, когда 26-летний отец Анатолий произносил свою проповедь с амвона киевского храма, 23-летний Антуан был назначен в авиационный полк и, попав в свою первую катастрофу, впервые задумался о Боге и смысле человеческого бытия. А вот что говорил отец Анатолий, обращаясь к своим прихожанам: «Маленький человек живет на маленькой Земле, этой песчинке, заброшенной в просторах мироздания. Но у маленького человека есть сердце, и в этом сердце таится бездна, которую наполнить может только бесконечное... Если бы Его не было, вся наша жизнь казалась бы пустой и бессмысленной. Мы не знаем, живут ли люди на других светилах, планетах, звездах. Мы только знаем, что наша земля осквернена, опозорена человеком, что он залил ее кровью и исполнил ужасом. И если бы Христа не было, то нам стыдно было бы жить на нашей земле, стыдно было бы смотреть на высокие светила, плывущие на далеком небосклоне... Но Христос был. Пусть наша земля маленькая. Пусть осквернена она и залита братской человеческой кровью, но Он прошел по ней Своими пречистыми ногами... Он сейчас среди нас. Пусть богоборцы и богоотступники говорят, что Его нет, мы будем только скорбеть и плакать об их слепоте и безумии. Мы знаем, что Он есть...».

Священник Анатолий Жураковский
СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ

Еще земля одета
Белоснежной своей пеленой;
Но Герасим Грачевник где-то
Тряхнул бородой седой.

И навстречу трепетным высям
В теплоте еще робких лучей
Поднялись, шумя понеслись
Стаи первых крикливых грачей.

И земля как земля, от стужи
Закована в снег и лед,
Но сегодня, сейчас почему же,
Почему мое сердце поет?..

И навстречу весне поднимая
Нестройный веселый шум,
Взвилась в душе моей стая
Окрыленных весенних дум.

Верю, верю всем обетам
Облеченной в солнце земли,
В пристани незнакомых светов
Небесные войдут корабли.

Не мерцая, вспыхнут зарницы,
Озаря ожившую твердь,
И последний враг упразднится –
Последний и страшный – смерть.

Разверзая темные лона,
Земля отдаст мертвецов,
И Жених сойдет убежденный
С высоты огневых облаков.

Еще холодно, еще не тает,
Еще первые робкие лучи.
Но весна идет! Обещают,
Возвращают весну грачи.

17 марта 1934

Выгозеро

Наталья Прохорова

Неприкаянный

*Звезда полей во мгле заledenелой,
Остановившись, смотрит
в полночь.
Уж на часах двенадцать
прозвенело,
И сон окутал родину мою...
Звезда полей! В минуты
потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...
Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей
земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдаль.
Но только здесь, во мгле
заledenелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...*

Это стихотворение поэт Николай Рубцов написал в 1964 году. Его сердце всегда пылало мыслью, что люди, носящие образ Божий, соединяют в себе земное и небесное. Что мы часть не только земного мира, но и в большей степени духовного.

Но он и не подозревал тогда, что сам станет для всех звездой полей, которая будет светить, не угасая, воспламеняя в сердцах читателей память о Боге, о собственной совести, побуждая их обращаться как можно чаще с молитвой к Всевышнему.

Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в селе Емецке Холмогорского района Северного края (сегодня это Архангельская область). А уже в 1937-м родители перевезли его в Няндом — маленький северный городок, где он и жил с родными до начала войны.

По словам поэта, он был неприкаянным. Детство его прошло в селе

Никольское Вологодской области в детском доме — мать умерла во время Великой Отечественной войны, а отец, вернувшись с фронта, не смог найти сына из-за неразберихи в документах. Николай считал отца погибшим, однако им удалось все-таки встретиться, но было это уже в 1955 году.

Окончив школу, будущий поэт получил профессиональное образование в лесотехническом училище, затем обучался в горном техникуме, но был отчислен. Работал кочегаром на флоте, разнорабочим на военном полигоне. Служил срочную матросом на Северном флоте. После демобилизации работал сначала в Ленинграде, потом вернулся в дорогу Вологодскую область.

Шебутной характер не позволял ему более двух лет оставаться на одном месте, поэтому он часто менял работу, делая порой крутые жизненные виражи. Так, в 1962 году поступил в Литературный институт им. Горького. Оттуда его попытались отчислить за эпатажные, хотя и невинные, очень смешные, выходки. К счастью, ректор видел в студенте неординарный талант и понимал, что тому нужно окончить институт во что бы то ни стало, и он сделал все, чтобы это осуществилось.

Нужно сказать, что юмор у поэта действительно был своеобразный: с легким оттенком сарказма, но очень простодушный, незлобивый. Однажды он решил выпить в компании известных русских классиков. Для этого поснимал со стен студенческого общежития института портреты великих литераторов: Пушкина, Гоголя, Лермонтова... Поставил портреты вокруг стола и стал с ними чокаяться. Когда пропажу портретов обнаружили, Рубцова заставили вернуть их на место. Он подчинился,

но долго и искренне возмущался: «Раз в жизни не дали посидеть и выпить в хорошей компании».

В 1964 году его второй раз выгоняют из института, стихотворец вернулся в Никольское, где и ждал решения своей участи. Ректор спас и в этот раз, Рубцову позволили продолжить обучение.

Именно в период «учебного простоя» Николаю Михайловичу удалось побывать в родном Няндоме. Тоска по краю самого раннего детства, где сохранилась школа, в которую так и не довелось пойти, река, где рыбачил с отцом, где каждое дерево еще пахло домашним уютом, родительской заботой и безоблачным детством, навяли на него эти строки:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где же могила? Не видели?
Поле до края небес.
Тихо ответили жители:
— Каждому памятник — крест.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.
Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школой,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!
Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучей,*

*С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

1964

Несмотря на то, что в 1960-ых годах у Рубцова уже выходили сборники, ему суждено было разделить участь неимущих поэтов. Творчество денег ему не приносило, жил он бедно. В основном такое положение было связано с неприязненным отношением к стихотворцу органов власти. Впрочем, мастер слова не был под запретом, как многие его соратники по жанру. Но ситуацию осложняли и неординарный темперамент автора, и тянущаяся за ним слава неблагополучного гражданина, и приклеенный намертво ярлык аморального субъекта.

Ведь, как и любому творческому человеку, после сильнейшего умственного напряжения Рубцову требовалась разрядка. Поэт частенько находил ее в рюмке. Однако, выпив, он любил побалагурить, поспорить, пошуметь, совершить нечто экстраординарное. Слов нет, увлечение Рубцова не из разряда добродетелей и вряд ли заслуживает поощрения. Но, во-первых, слабость слабости рознь, а во-вторых, а точнее прежде всего, нужно всегда уметь видеть человека, его душу и стараться ему помочь. К сожалению, советская бюрократическая машина смотрела на человека только через призму директив партии, которые ни при каких условиях не могли вместить в себя всю широту человеческой личности, ее боль, желания, понять мотивы, побуждающие совершить тот или иной поступок.

Одно время Николай Михайлович даже не имел постоянной прописки, а в советское время это было обязательно. Это было все в том же злополучном 1964 году, когда его повторно выгнали из литинститута и он жил в селе Никольском. При этом вологодские власти прекрасно знали, что поэт находится в области, они это подтверждали, но с официальными документами тянули.

Когда же литератор приезжал в Москву, то попадал из-за проблем с пропиской в милицию. Это сильно портило ему жизнь. Проволочка лишала талантливого автора возможности нормально заработать, от отчаяния он опять начинал выпивать.

Пристрастие к алкоголю помешало Николаю Рубцову создать хорошую

Николай Рубцов. «Зимний портрет». Главный инструмент вологодского художника Виктора Рыжакова – его сердце

семью. Его любимой женщиной была Генриетта Михайловна Меньшикова, которая родила дочь Елену. Но официально оформить свои отношения они так и не смогли. Мать Генриетты отговорила ее от брака с нищим и пьющим поэтом, а у него в свою очередь родились такие стихи.

*Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.*

*Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.*

*Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?*

*Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней.*

*Не грусти на знобющем причале,
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.*

*Мы с тобою – как разные птицы,
Что ж нам ждать на одном берегу?*

*Может быть, я смогу
возвернуться,
Может быть, никогда не смогу...*

Невозможность быть с любимыми людьми, самому воспитывать дочку тяжким камнем тянула душу. Все чувства он выплескивал в поэзию.

Прощальная песня

*Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Все мне слышится, словно в бреду.*

*Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.*

*Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
– Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...*

Свое обещание стихотворец исполнил. Когда в Москве в очередной раз неприкаянный страдалец попал в милицкий участок из-за отсутствия прописки, в его чемодане была обнаружена та самая кукла, которую он вез дочке. Но мучили его не только внешние обстоятельства, но и внутренние. Николай Михайлович был православным человеком, поэтому плотские грехи сильно терзали его душу, как делали это с Есениным, Блоком, Пушкиным.

Зимняя ночь

*Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит
в жилище,
Показавшись в полночном окне.*

*В эту пору с дороги бурной
Заявился ко мне на ночлег
Непонятный какой-то и странный
Из чужой стороны человек.*

*И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом,
Есть какая-то жуткая тайна
В этом жалобном плаче ночном.*

*Обветшалые гнутся стропила,
И по лестнице шаткой во мрак,*

Чтоб нечистую выпугнуть силу,
С фонарем я иду на чердак.

По углам разбегаются тени...
— Кто тут?.. Глухо. Ни звука
в ответ.

*Подо мной, как живые, ступени
Так и ходят... Спасения нет!*

Кто-то стонет всю ночь
на кладбище,
Кто-то гибнет в буране – невмочь,
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит всю
ночь...

Однако Рубцов боролся, хотя и не всегда мог справиться с собой. Он знал свои слабости, свои прегрешения, возможно, не раз в душе раскаивался и твердо верил и надеялся на помощь Божию, на Его безграничную милость.

Памяти матери
(Отрывок)

Но я смогу, но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

*Кто там стучит? Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама? Может, ночь –
Ночные ветры?*

Очень чувствительный по натуре, поэт умел проникать сердцем в некую мистическую реальность, вернее даже сказать – в духовную, он прекрасно осознавал связь между бедами, разорением российской деревни и поруганными церквями Северной Фиваиды (фольклорное название Вологды). И свое спасение видел в защите веры, крестов, колоколов. Он любил Вологодчину, считая ее «землей священной», и одновременно тяготился ею. Его удручало его нищенское положение, вынужденное пребывание в забытом Богом селе, отсутствие возможности хоть какого-то заработка. Однажды в Никольском он написал в письме:

Сижусь сейчас, закутавшись в пальто и спрятав ноги в огромные рваные старые валенки, в одной из самых старых и самых почерневших избышек селения Никольского – это лесистый и холмистый, кажущийся иногда совершенно пустынным, погруженный сейчас в ранние зимние сумерки уголок необъ-

ятной, прежде зажиточной и удалой Вологодской Руси. Сегодня особенно громко и непрерывно воют над крышей провода, ветер дует прямо в окна, и поэтому в избе холодно и немного неуютно, но сейчас тут затопят печку, и опять станет тепло и хорошо.

Я уже пропадаю здесь целый месяц. Особенного желания коротать здесь зиму у меня нет, т. к. мне и окружающим меня людям поневоле приходится вмешиваться в жизнь друг друга и мешать друг другу, иначе говоря, нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти исчезали и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых – одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространенное здесь. (Письмо написано Г.Я. Горбовскому зимой 1964 года, но так и не было отправлено.)

Однако, проживая на Вологодчине, он впитал в себя нищету и необыкновенную одухотворенность русской жизни, ее простоту, беззащитность, ослепительную красоту. И все это с необыкновенной силой выразил в своем творчестве. Отличительной чертой его литературного таланта была духовная подоплека всего, с чем бы он ни соприкасался, поиск той единственной дороги, которая может привести человека к Богу, большое внимание к корневым проблемам жизни и забота о сбережении исконно русского, народного языка.

Стихи Николая Михайловича Рубцова были оценены по достоинству лишь в 1968 году, именно тогда его признали в качестве поэта и было принято решение о выделении ему однокомнатной квартиры в Вологде.

Слава пришла к поэту уже на излете жизни, так аккуратно и тихо подползла к нему и улеглась рядом на бочок. У него не было каких-либо премий, громких титулов, писательских встреч с раздачей автографов – словом, всего того, что в современной жизни называется пиар-кампанией.

Рекламой Рубцову было народное радио: студенческие посиделки, семейные застолья, походные костры, где из уст в уста передавали и читали его стихи. Вдруг неожиданно по всей стране зазвучала его волшебная поэтическая мелодия, которая льется и по сей день. По своей сути она очень проста, но это чувство немного обманчиво. Ну какой, казалось бы, высокий смысл может быть в строчках:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Бытовая ситуация сельской жизни. А вот нет, весь фокус как раз в том, что здесь не нужно подвергать анализу каждую строку. Это сразу же разрушит волшебную атмосферу, создающуюся от прослушивания рубцовской стихотворной мелодии. Ее надо воспринимать душой, нутром своим. Это такой своеобразный диалог на уровне сердец писателя и читателя, который выходит за пределы земного мира и переносится уже в иную реальность. Небесную.

Поэзия Рубцова имеет взнезменную субстанцию. Она живет по своим, особым законам, но когда автор растворяется в ней, то словно получает сверхъестественные способности.

Элегия
(Отрывок)

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весной ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском, и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

Эти стихи были написаны ровно за год до нелепой смерти поэта. Они оказались пророческими, потому что он действительно умер на Крещении. В 1969 году у него завязался роман с Людмилой Дербиной, которая специально переехала к нему в Вологду. Они подали заявление в ЗАГС, но возникли проблемы, вследствие чего молодые расписаться не успели. В ночь на 19 января 1971 года Николай Рубцов трагически умер от удушения. В смерти поэта обвинили Дербину, она была осуждена, но вину свою не признала. В своих мемуарах Людмила писала, что причиной смерти поэта была остановка сердца в результате крупной бытовой ссоры.

Так или иначе, но жизнь талантливейшего поэта оборвалась на 36-м году. Несмотря на обилие почитателей и богатую личную жизнь, он так и остался одиноким и в какой-то степени до конца не понятым. Похоронили его в Вологде. В 1973 году на могиле Рубцова поставили надгробие – мраморную плиту с барельефом поэта. Внизу выбили надпись: «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

Не всё на продажу!

Эту фотографию, размещенную в интернете, сопровождает извещение, что там же, в селе Троицком Угличского района Ярославской области, продается участок... До чего изменилось время и всё, что связано с ним!.. Сейчас, видите ли, храм Божий вроде как повышает предмету торго рыночную стоимость.

Случись этому объявлению появиться лет 70–80 назад, по указанному адресу немедленно отрядили бы стражей порядка: «Кто это там разводит частную собственность? По какому праву?!». А уж на церковь точно ополчились бы воинствующие безбожники, чтобы сровнять ее с землей, чтобы духу ее!.. Впрочем, они и ополчились, без всяких «бы».

Подбирались к сельскому храму давно. Сначала взялись за настоятеля, протоиерея Вениамина Флоридова, который служил там с 1908 года. Чем уж он так допек строителей нового мира?.. Впрочем, понятно чем – любовью к Господу Богу. А для новоявленных бесов это – сами понимаете... Терпели до 1929 года. Можно только вообразить, что они пустили в ход, если удалось заставить батюшку отказаться от священства. С 1929 года отец Вениамин стал вроде как расстригой в советском формате, а через два года, несмотря на все содеянное, упрятали в тюрьму.

И вот храм Троицы Живоначальной на Устье, что в селе Троицкое, вроде осиротел. Так, во всяком случае, считали бесы: «А за сироту кто заступится? Вот мы с ним сейчас и посчитаемся». Но заступник нашелся. И оттуда, от-

куда никто его не ждал. Из соседней деревни Высоконо. Ну, ходил Тимофей Петрович Лазариков в Троицкий храм, ну, прислуживал, опыт-то был: до возвращения домой служил официантом в санкт-петербургских реторанах – заработанные деньги родным отсылал, а в Исаакий исправно на службы ходил. Однако ни сном ни духом не помышлял о священстве. Но когда увидел, что Троицкий храм обезглавили, то есть оставили без настоятеля, его христианская душа возмутилась. Немедля собрался Петрович к правящему архиерею. Семья лежа легла поперек дороги – противилась всячески, напуганная нынешними временами. А он добился-таки своего! Предстал перед владыкой, изложил предмет: так, мол, и так, Ваше Высокопреосвященство, прошу рукоположить меня в священный сан и поставить настоятелем нашего осиротевшего Троицкого храма.

Всякое повидал митрополит Павел (Борисопский) на своем архиерейском веку, но такое, осмелимся предположить, встретил впервые: из официантов – да сразу в иереи, да еще в настоятели!.. Но, видно, была на то Божия воля: получил Петрович архиерейское благословение и спустя положенное время

вернулся в Троицкое уже отцом Тимофеем. Но вернулся, как вскоре выяснилось, не затем, чтобы с православными земляками славить Бога, а чтобы пополнить собой список «враждебно настроенных служителей культа», спасение от которых только в мере социальной защиты – изоляции от общества.

Короче, на отца Тимофея быстренько состряпали донос да еще во время обыска нашли письмо, начинавшееся словами: «Нет нигде народа замученного, забитого и истерзанного, как в России». Кому уж он его начал писать, почему не окончил?.. Но для обвинения в контрреволюционной деятельности вполне хватило и этих десяти слов. И отправился отец Тимофей по проторенной отцом Вениамином дороге – на строительство Беломорканала. Однако как ни тщились, никаких весомых обвинений предъявить ему не могли. Но поскольку советское правосудие всегда справедливо и, стало быть, не ошибается, батюшке все же припаяли минимальный срок – то ли два, то ли три года. Однако подлинная драма началась, когда он вышел на волю.

«И враги человеку – домашние его». Именно этим словам Спасителя из Евангелия от Матфея (10:36) отец

Тимофей нашел подтверждение, придя под родной кров. Христос имел в виду отношения между близкими людьми, одни из которых приняли Его, а другие – нет. Прошло две с лишним тысячи лет, как была произнесена эта фраза. К сожалению, она оказалась пророческой, ибо, увы, не утратила актуальности.

Когда, отбыв двухлетний лагерный срок, отец Тимофей в первое же воскресенье пришел к родному храму, чтобы начать богослужение, дорогу ему преградили: жена, три дочери и сноха – та самая родня, ради которой он служил официантом в северной столице, чтобы как-то помочь им свести концы с концами. Они хватали его за руки, за одежду, чуть не силой заставляли повернуть назад, умоляли отказаться от сана. Иначе, предупреждали, его снова запянут в лагерь, а их сошлют в Сибирь. Нет, они не были убежденными безбожниками. Это были просто забитые, напуганные, несчастные так называемые «простые советские люди».

Посмотрел на них батюшка жалостливо и сказал: «Идите с Богом, чада. Господь милостив: Он оградит вас от бед и напастей». И вошел в алтарь. Но родня не вняла совету священника. Бог – далеко, дожدهшься ли от Него защиты? А советская власть – она вот тут, рядом, каждый день и час. И отказала родня от дома отцу Тимофею, не пустила его под родную крышу, хотя и дом, и крыша были построены на его кровные деньги. А батюшка приютился в халупке недавно умершей его сестры.

Может показаться странным, но местные власти почему-то внаглую не закрывали храм. Все искали какой-то предлог, вроде бы «законный» повод. То есть ждали, когда отец Тимофей не выдержит терзаний со стороны родных и сорвется или допустит какую оплошность в церковной работе. Тут уж судьи были наготове. Но что бы ни случилось, батюшка с кротостью неизменно отвечал: «Поступайте как хотите. Тело берите, а душа принадлежит Богу».

Об этом удивительном батюшке вспоминают так: «Спасение храма и прихода путем православной добродетели стало для него смыслом жизни. При общении с паствой отец Тимофей оставался снисходительным и по-прежнему бескорыстным. Ходили многочисленные рассказы, как он отказывался брать деньги за панихиды, совершаемые на

Хорошо, сохранилась хоть эта фотография! Похоже, что из «тюремного альбома». Теперь можно хотя бы увидеть, каким был легендарный батюшка Тимофей

могилах. Если деньги пытались положить ему в руку, он раскрывал ладонь, и они сыпались на землю. Платы за требы просил передавать только в церковную кассу, из которой ничего не брал на свои личные нужды. Питался тем, что приносили ему прихожане, твердо продолжая исполнять служение священника.

Для троицких прихожан отец Тимофей был абсолютным авторитетом. Что сказал батюшка, то – закон. Во время Великой Отечественной войны он продолжал сражаться с амвона, вселяя в людей веру в победу и поддерживая в них надежду. На каждой службе призывал молиться о здравии родных, ушедших на фронт, помогал в сборе средств для фронта среди местного сельского населения. Когда отказали ноги, батюшку стали привозить в храм на санках по снегу, а летом в коляске. Потом он не смог передвигаться и по алтарю. Но никогда не допускал мысли о прекращении богослужений, каждый раз вознося молитвы о даровании победы. Он и умер дождавшись Победы. 29 сентября 1945 года его отпели два священника, хоронило огромное количество людей. Прихожане называли его святым».

Троицкая церковь, где весь XX век не прерывались богослужения, исключая, видимо, только годы, когда отец Тимофей «служил» в ГУЛАГе, можно назвать единственным в своем роде памятником сельскому попу. Но было бы в высшей степени несправедливо

обойти молчанием сельских прихожан, которые самоотверженно помогали батюшке отстаивать родной храм. Надо ли говорить, что одному ему это было бы просто не под силу?

Среди тех, чья история донесла до наших дней, есть Александра Александровна Пучкова. Когда-то по ее семье проехал тяжелый каток раскулачивания. Но каким-то чудом ей удалось сохранить часть средств, что позволило купить дом в селе Троицком. Пристроилась она работать в храме, как говорится, «прислугой за всё». Когда было решено уничтожить церковь, она вместе с другими прихожанами, и, конечно же, во главе с отцом Тимофеем, стала на пути взрывников буквально грудью. И те... отступили. Так было не однажды, и всякий раз любовь к Богу оказывалась сильнее ненависти. Храм стоял! Есть разные сведения о дальнейшей судьбе Троицкого храма: по одним – он все же был закрыт, но не уничтожен и впоследствии возвращен верующим; по другим – он вроде бы и не закрывался. Но удивительная история на этом не закончилась.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (по времени получается, что это мог быть только он) высоко оценил заслуги Александры Александровны: он назначил ей особую пенсию (а в те поры это было вообще невероятно!) и подарил книгу Священного Писания, которая долгие годы хранилась в семье.

В советское время, пожалуй, только «белые платочки», бесстрашные подвижники благочестия – бабули составляли основную паству редких оставшихся в живых храмов. А зрелые и юные сплошь пребывали снаружи церковной ограды, и причины того настолько хорошо известны, что называть их здесь вряд ли имеет смысл. Но быть вне Церкви в те годы всегда ли означало быть и вне Бога? Нет и нет! Связь человека с Богом – это такая крепкая нить, которая в состоянии выдержать и многие годы гонений, и поистине нечеловеческие нагрузки, которыми давили верующих слуги безбожного советского режима.

А теперь оставим на время село Троицкое с его необыкновенной судьбы храмом и подадимся в сферы что ни на есть самые земные – в ветеринарию, конкретно – в теоретическую и прикладную ветеринарную иммунологию,

еще конкретнее – в историю создания вакцины против свиной чумы. Поверьте, так надо. Для этого, правда, придется сделать немалый крюк: от Троицкого, что в Ярославской области, до города Покров на Владимирщине верст немало. Но иначе не познакомиться со светлой памятью Василием Ивановичем Поповым, а без этого наш рассказ никак нельзя будет назвать полным.

Родился Васенька Попов уже при советской власти, в 1923 году, так что рос и формировался по канонам новой жизни, самый первый из которых – Бога нет. Вспомним: первая заповедь, данная людям через пророка Моисея Богом, утверждает прямо противоположное: «Аз есмь Бог твой; да не будут тебе бози инии разве Мене». И еще вспомним: кто есть обещана Бога, то есть делающая все наоборот? Совершенно верно: диавол. Вот в его-то лапах и рос наш Васенька, как, впрочем, и все советские дети. Совестью и благочестивым родителям оставалось одно: воспитать своих чадушек хотя бы честными людьми.

Васеньке Попову сызмальства досталась почти сиротская доля: его взяли на воспитание дед с бабкой, Андрей Петрович и Ульяна Ивановна. Дед, надо сказать, был ветеринаром, что называется, от Бога. Он часто брал внука с собой, когда у кого из ближних или дальних земляков занедужит скотина. Его часто приглашали и крупные конезаводы и животноводческие фермы из соседних областей. Так что Васенька насмотрелся всего в дедовой профессии, но самое главное, что вошло в его душу на всю оставшуюся жизнь, – это любовь к братьям меньшим, а там, где любовь, там всегда и Бог, пусть даже официально «отмененный». Удивляться ли тому, что, когда пришла пора определяться, для Васи Попова вопроса не было – конечно же, доктор Айболит!

Отслужил срочную в армии. Отвоевал Великую Отечественную на фронте. Господь управил так, что и там он остался верен любимому делу: учил

Васенька Попов с земляками. Село Радьковка. 1950-е годы

Василий Иванович Попов. Большие десяти правительственных наград. Доктор наук, профессор. Имя известно в мировой науке

собак искать мины, натаскивал ездовых санитарных собак, собак-разведчиков и охранников. И только в 1948 году демобилизованный воин смог вплотную за-

няться выбранной профессией – поступил на ветеринарное отделение Московского химико-технологического института мясной и молочной промышленности. Через год вступил в партию, что для того времени и такой биографии было не просто в порядке вещей, но разумелось само собой. Думал ли он в те годы о Боге? Скорее всего, нет. Да и некому и небезопасно было с ним об этом говорить. Жил как все, а что у каждого в душе или за душой – поди разбери.

При всех многочисленных минусах советской власти, существовал порядок, которого старались придерживаться. Раз СССР – это государство рабочих и крестьян, значит, представителей этих социальных групп надо всячески поддерживать. Порой, конечно, доходило до абсурда: дурак дураком, а его тащат вверх чуть не за уши. О Василии Ивановиче такого сказать было нельзя. Через семь лет после окончания вуза он уже защища-

ет диссертацию на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук, а через год возглавляет отдел микробиологии лаборатории, которая занималась болезнями сельскохозяйственных животных.

1965 год стал этапным в жизни ученого да и, можно сказать, всей ветеринарии: Попов изобрел способ разведения поросят, которые не подвержены опасным заболеваниям, в частности чуме. Это открытие имело важнейшее значение: животных можно не пичкать ни антибиотиками, ни другими препаратами, не делать прививки. Родился здоровый поросенок и живет себе без болезней отведенный срок. Перед ученым открывалась широкая дорога, вырисовывались перспективы. Кому плохо? Да никому!

За два года до этого события в жизни Василия Ивановича появилась женщина. Галина Николаевна Пучкова. Припоминаете фамилию? Совершенно верно: Пучкова, но только Александра Александровна, та самая, которая вместе с

отцом Тимофеем отстаивала Троицкий храм, кому патриарх... ну и так далее. Галина Николаевна Пучкова – ее внучка. А в дом Василия Ивановича Попова вместе с женой пришла и Библия, да-да, та самая, которую получила в награду за спасение храма ее бабушка. И еще иконка Спасителя – память о мамином венчании.

Нет, Василий Иванович не кинулся читать священную книгу. Скорее всего, даже не обратил на нее внимания. У него, советского человека до мозга костей, были дела поважнее мыслей о Боге. И две дочки его стали расти и развиваться в том же, советском, русле. Такая была жизнь...

Вскоре Попов получил интересное и перспективное приглашение во все-союзный специализированный научно-исследовательский институт. Естественно, принял его. Потом его позвали в провинциальный Покров, где работа обещала быть еще интересней. И снова он согласился. Он часто повторял: «Мне не нужна Москва, я не держусь за нее».

Уже через два года после переезда в Покров он возглавил лабораторию иммунологии и гнотобиологии. Ему присваивают звание профессора. Но ни звания, ни степени не мешают ему выполнять в институте даже черную работу. При лаборатории имелось специальное помещение для разведения болезнеустойчивых поросят. Профессор сам приезжал туда задолго до начала рабочего дня, кормил животных и ухаживал за ними. Он рассчитывал постепенно заменить ими обычных поросят на отечественных фермах и тем самым получать гарантированно здоровое потомство. Это была бы революция в животноводстве.

Когда, в какой момент в жизни человека случается спотык? Имеет ли значение, верует он при этом в Бога или нет? Может ли Господь предотвратить неудачу или хотя бы предупредить о ней? Не надо на это рассчитывать: Господь – не МЧС и не страховая компания. Тогда спрашивается: нужен ли Бог человеку, если от Него нет пользы? Все зависит от того, какой пользы ждет человек от Господа и что он понимает под нею. Польза человеку от Господа в том, чтобы понять причину случившегося с ним, а она, как правило, в самом человеке. Польза в том, чтобы непредвзято посмотреть на себя. Чтобы не повторять этих ошибок

впредь. Польза – в утешении, которое приносит человеку понимание подлинной природы случившегося.

В 1989 году профессора Василия Ивановича Попова выдворили на пенсию. Для ученого с мировым именем, полного сил и творческих идей 66 лет – не возраст. Этот демарш может говорить только об одном: в основе лежала зависть. Попов, видите ли, еще в 1980 году получил патент на изобретение уникальной вакцины против свиной чумы, а его коллега и начальник даже не упомянул! Больше того: начин разработки Попова широко и повсеместно применяться, многие труды того же коллеги станут никому не нужны.

Дело жизни Попова стало разваливаться буквально на глазах. Оставалось одно – писать в инстанции. Он и писал. Не просил восстановить его на работе – убеждал в одном: чтобы не прекращалось дело. Его вызвали на собрание парткома института и отчитали по полной. Он бросил на стол партбилет и удостоверение профессора, хлопнул дверью и ушел. Уже после его смерти Галине Николаевне показали протокол этого собрания, где большинство проголосовало за то, чтобы оставить ученого в институте. Но эта запись осталась «между строк».

Несколько лет после случившегося Василий Иванович проработал на заво-

де биопрепаратов. На предприятии проводились исследования на коровах. Работал, как всегда, на совесть, не покладая рук. Так же приезжал на рассвете к своим подопечным, сам делал обход и все процедуры. Нередко выходил на работу и в субботу, и в воскресенье, хотя скотницы говорили ему, что и без него все будет в порядке. Трудно сказать, сколько бы проработал там Василий Иванович и чего бы добился, если бы не несчастный случай. На него накинута «иностранный» бык и причинил тяжелые увечья, после которых профессор уже не оправился.

Он умер в больнице, в день Рождества Христова 1996 года. Перед этим Василий Иванович не раз говорил жене, что все это время они жили неверно, нужно было быть только с Богом, что по-другому нельзя.

Той Библии сегодня нет в семье Поповых. В один из переездов ее оставили коллеге Василию Ивановичу – профессору Сергею Федоровичу Чевелеву. Его уже нет в живых, связь с родственниками потеряна. Иконка Спасителя по-прежнему у Галины Николаевны.

...А участок с манком в виде Троицкой церкви все еще выставлен на продажу. Возможно, кто-то когда-то и купит. Сегодня говорят же: всё продается. Нет, не всё! Не продается вера, совесть, честность. Бог.

От редакции. Созданная профессором В.И. Поповым вакцина ЛК-ВНИИВВиМ с успехом выпускается Покровским заводом биопрепаратов и используется в животноводстве по сей день не только в нашей стране, но и за рубежом. Буквально в конце 2017 года с ее помощью удалось справиться с эпидемией чумы среди свиней во Владимирской области. А вот лаборатория по выращиванию болезнеустойчивых свинок так и не восстановлена. Имя профессора Попова даже не упоминается среди профессорского состава Все-союзного научно-исследовательского института ветеринарной вирусологии и микробиологии (сегодня это Федеральный исследовательский центр вирусологии и микробиологии), где он проработал много лет.

Низкий поклон Галине Николаевне Поповой за то, что она сохранила материалы о своем муже, дала нам возможность с ними познакомиться, за то, что бережет память об этом светлом человеке.

Племяннице Татьяне Александровне Новгородовой признательность за ее инициативу и настойчивость и верность памяти несправедливо забытого дяди. В том, что имя Василия Ивановича Попова все же не забыто, ее немалая заслуга.

Мы выражаем глубокую благодарность краеведу и писателю В.В. Потопову за любезно предоставленное нам право воспользоваться сведениями из его очерка «Знаменитые земляки, возвращение на Родину», посвященного памяти ученого.

Сердечное спасибо Михаилу-3000 под ником «Ветеран», разместившему в своем блоге интереснейшие сведения из истории Троицкой церкви. Побольше бы таких преданных и бескорыстных людей!

Начало начал*

Поиск Бога в советском кинематографе конца 60-х – начала 70-х

Что же им так хочется подвинуть своего «бога» с его святого места? А это давит на них город. Город своими «мимо-юбками» начинает вторгаться в сей патриархальный рай – хотя его никто и не звал. А в городе уже ох как нездорово! Экономика трещит по швам, любые попытки реформ проваливаются, все производство работает со страшным скрипом, и очереди все длиннее с каждым днем, да и идеология жестче начинает свои клещи сдвигать – еще бы! – недовольство растет, сомнения-то одолевают, анекдоты-то так и прут... И вообще все куда-то девалось – шестидесятническое солнце зашло, по Москве уже шагать неохота: серой она какой-то стала, озабоченно-унылой. Даже такое ощущение, что и начини с приятелями на заставах Ильича экзистенциально свою жизнь осмыслять – они тебя пошлют: напрягаешь! Лучше под анекдотики на новый иностранный фильм прорвемся да портвешком убажам себя.

И вообще какое-то чувство возникает, что не только Бога нет – это понятно, о Нем тут по-прежнему толком никто не знает, но и вообще ничего нет, никаких опор. Проект социализма с человеческим лицом трещит по швам, слово коммунизм вызывает ржаку, в Израиль/США ехать неохота, а только деньги зарабатывать желают лишь фарцовщики

да мещане, то есть суть по-прежнему люди нехорошие. И куда деваться? Пить? Водка – тоже опора хилая, да и опасная. Остается иронизировать. Ну и долго так на одной иронии протянешь?

Оказалось, что она и есть спасение, ибо только она напоминает в этом опустошенном мире о Боге. Помните извечный лукавый прищур Анискина? Да, во многом именно прищур сей и говорит о его *ином знании*. Как ни крути, но нужен Бог. Точнее, не он Сам – Ему приходится еще некуда, храмы остаются для общества странноватой экзотикой – нужен Его духовный полпред.

Может быть, обрести Бога нужно в собственной душе? Но как? Ведь для начала необходимо к этому дать духовный ключ. А кто это может сделать? Только искусство.

Для начала... Для «Начала»! Я имею в виду фильм Г. Панфилова, снятый прямо посередине этой точки безопорья, аккурат в 1970-м. Не будет человека, которому бы этот фильм не понравился (даже в прокате он, будучи чисто интеллигентским, а то и авторским, попадет в первую десятку!). Толком никто не поймет почему. Критики будут ломать голову: что же тут, собственно, такого, чтоб просто ах? Один из них, подробно и красиво пересказав сюжет, в финале статьи напишет, что здесь, конечно, «о

чем-то ином, нам этот фильм еще предстоит понять».

О чем-то ином... Похоже, что-то уже поняли, только сформулировать не получается: нет онтологических ключей, нет метафизического языка. Искусство пока воспринимается только согласно смыслам социальной горизонтали: лучше – хуже. Смысловая вертикаль еще не сформирована.

Но чу! – странный шелест в том же 70-м начинает происходить: художники начинают подавать какие-то тайные знаки. В кинематографе появляются абсолютно для него новые религиозные символы. Пока, правда, в виде блуждающих огоньков, светлячков, светящихся мутным, едва видимым светом.

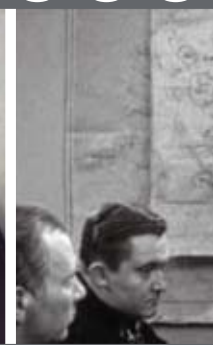
...Вот возникло в названии фильма И. Хейфица «Салют, Мария!» имя Мария – спроста или как? А в другом – «Иду к тебе» про Л. Украинку – вдруг появился в кадре самый настоящий Бог – в белых одеждах, с бородой и терновым венцом – так, может, название надо писать: «Иду к Тебе»? А в третьем – «Поезд в далекий август» – за кадром долго звучит баллада, где рефреном проходит непривычное для советского уха слово «верую»... а в четвертом – «Сказание о Рустаме» – герой вдруг начинает выяснять отношения с самым что ни на есть настоящим дьяволом, а точнее Дэвом, Дивом (правда, фильм снят по Фирдоуси, но в предыдущих экранизациях этого автора сего Дива режиссеры «микширо-

«Начало»

«Тронка»

вали» и задрапировывали как могли, в том числе и режиссер «Сказания о Рустаме» в прежней своей трактовке Фирдоуси «Знамя кузнеца»).

Пятый фильм называется попросту дико – «Тронка». Боже, что это такое? И кто пойдет на фильм с таким названием?! А пусть хоть и никто. Не для публики сделано. А названо так сверхсознательно – с тяжелым, жестким, дающим намером – может, вдруг кто и услышит? Услышали. Да не те и по-своему. Фильм словно и просочился на экран только для того, чтобы быть обозванным художественной ошибкой и разруганным левой критикой. Власть таким образом научилась гнобить ненужные ей по идеологии и по настрою фильмы: видите, товарищи художники, какую дрянь вы сделали? Так что больше мы вам снимать не дадим. После этого как не закатать в асфальт «Долгие проводы» К. Муратовой, да еще усадить за рычаги катка самого Г. Товстоногова, которому фильм просто не понравился, только и всего? Вот и вы, товарищ Муратова, как художник вы не состоялись...

Но вернемся к «Тронке». Что же это за чудовище такое? А всего лишь колокол. А колокол есть знак религиозный. Намекает на *что-то большее*. Если быть абсолютно точным, тронка – это колокольчик на шее овцы. Или барана. Чтобы слышно было, где пасется.

В понимании авторов, тронка – образ, близкий к трагическому. Более безысходного по своему настрою фильма в советском кино я не знаю, даже пресловутые «Долгие проводы», на которых окончательно захлебнулась экзистенциальная волна, не столь беспросветны.

Сюжет «Тронки». В громадной степи без конца и края расположился маленький военный гарнизон. Служащий здесь майор сходится с не очень молодой женщиной, как и он, достаточно случайно здесь оказавшейся. У них рождается ребенок. Однажды он тяжело заболевает. Врача в гарнизоне нет, за ним надо ехать далеко в центр. Помощь не успевает, и дитя умирает. Майора вскоре переводят в другой, аналогичный гарнизон. Вместе с ним уезжает и жена. Всё.

А рядом пасутся стада. И иногда в тишине слышен звук колокольчика. А порой возникает другой звук, воинственный и страшный: это начинаются очередные учения. Потом они стихают. И опять звучит только голос тронки.

Эта самая тронка и превращает фильм в притчу. Иначе было бы что-то невероятно тяжелое, тоскливое и опущенное. Не скучное, нет. Войтецкий снимает выразительно, держит наше внимание... Но без необходимого метафизического, религиозного знака, опять напоминающего нам *о чем-то ином*, пусть и в таком вот сниженном виде, фильм стал бы в один ряд со многими постэкзистенциальными (скорее даже псевдоэкзистенциальными) лентами начала 70-х («Седьмое небо», «Холодно – горячо», «Секундомер», «Нюркина жизнь» и т. д.). Типа научились «экзистенциальить», и вот уже как бы назло советским сюжетам и вполне советским смыслам все герои ходят подавленные, убитые, печальные, говорят тихими голосами, с огромными паузами, и, конечно, чтобы непременно черно-белая пленка.

«Тронка» же наполнена состоянием почти безнадежного ожидания. Воз-

можно, это ожидание голоса того колокольчика, возможно, ожидание выхода в иное измерение, надежды на иную жизнь. Но никакой *иной* жизни тут нет. И потому вдруг весь этот образ мира, где есть только серые будни унылого бытия, единственная опора которого – защита Родины, выражающаяся в бесконечных учениях, превращается в притчу о советском существовании начала 70-х. Всё, друзья, вольница 60-х кончилась, а на ее место не пришло ничего.

Но! – начинает где-то слышаться дальний звук колокола; может быть, он звонит по тебе, по твоей непроявленной, непонятной еще тебе самому, но уже нарождающейся отдельной, индивидуальной сущности, о твоем еще не сложившемся, но уже каком-то новом мировоззрении? На которое действительно возникает надежда.

Хотя пока по тебе звонят бараны. Правда, эти бараны уже не в стаде – они где-то пасутся отдельно, тронкой о себе напоминая. Из стада ты уже вышел, но пока онтология твоего бытия воистину почти беспросветна – серая пустота без конца и без края, окруженная время от времени возникающим громом военных учений. Они властно диктуют тебе, что ты в советском мире, в советском пространстве живешь, то есть в пространстве, вечно с кем-то сражающемся и нацеленном на состояние войны. В их залпах слышится зов той, прежней, сталинской *советской религии – религии борьбы и крови*.

Однако тронка все-таки звучит. Второе, метафизическое, измерение стало постепенно и крайне осторожно, но завладевать экраном. Так, чуткий к внутренним изменениям реальности

«Поезд в далекий август»

«Сказание о Рустаме»

Кира Муратова – любимый «мальчик для битья» у киноначальников

И. Хейфиц зачем-то начинает снимать огромный двухсерийный блокбастер по сценарию Г. Бакланова «Мария». Вскоре название будет изменено на несколько более странное и еще более несоветское «Салют, Мария!».

Салют... Хорош салют. В первых кадрах фильма героиню выводят на расстрел, причем кто – мы не очень понимаем. Скорее всего, беляки. И расстреливают. Тут и возникает титр с названием фильма. То есть героиня убита, но ее убийство вроде как становится и салютом в ее честь.

Оказывается, не убита – выжила. Правда, тут опять какая-то странность с этим зачином: он вообще вырван из контекста, ибо сам расстрел появится только в середине фильма, да и, честно сказать, в самом развитии сюжета не будет ничего значить. Ну попала в плен к махновцам, ну расстреляли – а вот уже в следующем кадре ее и находят и в госпиталь, и все нормально. Однако Хейфиц именно этим расстрелом и этим титром начинает фильм. Значит, неспроста.

Конечно: ведь он явно снимает не столько байопик о жизни правоверной коммунистки, сколько ведет в какую-то иную сторону, и похоже, в сторону именно религиозной притчи. Потому и героиню зовут не Таней, не Людой, не (не дай Бог) Зоей, а именно Марией. То есть она предназначена для рождения некой новой веры – в данном случае, видимо, советской веры в коммунизм и в прекрасный новый мир. И что же мы видим? Вся жизнь героини – сплошные борьба и мучения, а всех возлюбленных, как и всех детей своих, она посылает на гибель за светлое будущее. Так, может быть, действительно она по-

гибла, а все движение фильма есть ее метафизическое пребывание в некоем советском чистилище?

Да нет же! Хейфиц – чистый реалист. Но в начале фильма он дает нам понять: она убита, и в ее честь раздается салют (титром). Она самой жизнью убита, ибо вся ее жизнь есть смерть, бесконечная смерть. Далее пойдут титры, и мы опять увидим, как Мария – уже во время Великой Отечественной – будучи командиром, посылает на военное задание, а по сути опять на гибель, очередное свое дитя – на этот раз приемного сына, да еще и вместе с невестой. Иными словами, сама была всю жизнь адептом *советской религии борьбы и крови* и прожила в ней, попутно убивая ею всех, кого любила. При этом человек она абсолютно светлый, чистый, и Хейфиц-то на самом деле задумывает фильм гимном во имя подлинной советской веры против тех, кто изверился и выродился в серость, пустоту и номенклатуру (между прочим, эти «новые гимны» становятся весьма распространенной парадигмой интеллектуального сознания начала 70-х – и, конечно, как правило, ни к чему хорошему не приводят).

Задумывают-то авторы одно, а получается у них совсем другое. Ибо они вдруг понимают, что эти *советские чистота и святость* нацелены лишь на одно разрушение, но сами они разрушаться при этом не хотят. Раньше, в 30-е, может, еще и готовы были идти на «великую очистительную войну», о которой так мечтали и Павел Коган, и Довженко, и гайдаровский барабанщик, а теперь – сильно подумают. И дело не в том, что они стали старыми, – они стали другими. Может, они и же-

лают силком превратить своих героев в апостолов и поставить впереди новых «двенадцати» нового «Иисуса Христа», да только подлинные двенадцать перетягивают смыслы. Постепенно начиная приводить в ужас самих авторов.

Хорошо, убери из своего замысла любую антологию – хоть советскую, хоть христианскую – успокойся и назови свой фильм «Салют, Наталья!», да любое женское имя в заглавии поставь! Нет, не поставит. Ибо понимает, что тогда его фильм вообще полностью обесмысливается – он и без того сомотрится с трудом, ибо, повисая между соцреализмом и притчей, по ходу полностью теряет и энергетику, и драйв, и психологию, а до метафизического осмысления бытия на экране дойти и вовсе не способен. И если еще этот тайный религиозный код убрать, тогда просто будет неясно, почему нам тут так долго рассказывают про какую-то не слишком интересную, умную и талантливую женщину. Кто она вообще такая? Софья Ковалевская? Анна Павлова? Мария Ермолова? Мария какая-то, видите ли!..

В том-то и дело, что Мария. В имени ее – и последнее спасение авторов. Последняя зацепка за смысл. Иные уже полностью обесмыслены. Советская религия празднует тризну по самой себе. Далее эта религия будет проявляться на экране только на народно-попсово-беллетристическом уровне – в разных «Вечных зовах» и «Любовях земных». Сама по себе, как задумывалось в той же ленте Хейфица, она работать перестает. Теперь она требует антологии. Но насильственное навязывание ей христианских смыслов только еще более разрушает ее. Или –

«День за днем»

«Баллада о солдате»

«Судьба человека»

правильнее сказать – обнажает ее дьявольскую сущность. Как и произошло в ленте «Салют, Мария!».

...Остается действующим последний советский храм – храм Великой Отечественной войны. Он усердно отделился в послевоенное время «чистых» от «нечистых», ибо считалось, что война проявляла подлинную сущность человека. И если вера в революцию стала угасать, вера в войну начала укрепляться. В обществе, продолжающем быть атеистическим, она вера устроила все слои населения.

Именно в войну как в храм, в свой путь воспоминаний о ней как в путь духовный, путь за обретением света и смысла, отправляется герой А. Джигарханяна из фильма В. Лысенко «Поезд в далекий август». Что он обретает на своем пути? Да в общем, ничего – ну идут какие-то воспоминания, в большинстве своем с ним самим никак и не связанные, а просто живописующие картины обороны Одессы от немцев. Правда, у героя возникает странная встреча – с дочерью женщины, которую он когда-то любил (их играет одна и та же актриса Е. Козелькова). С нею у героя тоже начинается некое подобие романа – правда, исключительно платонического.

Дело вообще не в этом, а дело в песнях, которые звучат за кадром. «Только бы нам не извериться, пока стоят холода», – поет голос за кадром. И далее: «...потерям свой счет веду, надеюсь, люблю и верую и жду тебя, жду тебя, жду».

Кого же это, собственно, он ждет? «Тебя». Перед нами чисто религиозный образ – так обращаются не к женщине и не к другу – а к Богу. То

есть стремится-то герой обрести истину в памяти войны, но ничего не обретается – ни истины, ни любви, ни смысла. Остается уповать опять на что-то иное. И авторы сами чувствуют, что не дай они сей метафизический знак – то ли зрителям, то ли, скорее всего, самим себе – их фильм превратится в распавшийся набор каких-то ничего не означающих сценок времен войны, скрепленных грустными блужданиями героя по современной Одессе. По горизонтали вера посреди стоящих холодов не находится, она должна возникнуть вонне, в другом пространстве – пространстве метафизической вертикали. Непонятно, как ее выстроить и сформировать – остается только нащупать в потемках.

Режиссер В. Лысенко выбирает для фильма более чем неслучайного композитора – Евгения Стихина. Сегодня это имя подзабыто, но именно в начале 70-х он становится весьма популярным: он наиболее чутко угадывает в своих произведениях внутреннее состояние этого туманного, зависшего в беспорье времени. Он и Илья Катаев, тоже композитор сегодня подзабытый.

Именно Катаев и Стихин создают новую музыкальную стилистику на советской эстраде – стилистику жестких, тревожных, мрачноватых баллад, баллад-заклятий. Чаще всего главным их исполнителем в те годы становится Валентин Никулин – новый на тот момент советский шансонье. Раньше, в 50–60-е, главным шансонье был Бернес, и он, пусть очень душевно, попростому, по-человечески, но говорил от имени человека, пусть и отдельно, и индивидуального, но непременно внедренного в коллективную стихию, в

единство общей советской жизни и общей советской веры. Этот лирический герой «любил тебя, жизнь» и «работал волшебником», но только для того, чтобы подавать пример доброты и человечности для новой жизни, где все должны стать такими, как он, «волшебниками» для создания подлинно правильного и справедливого коллектива – и тогда все у нас получится.

У Стихина и Катаева – не так. Их лирический герой пребывает в состоянии драматической тревоги перед бытием, он обретает индивидуальность через свой стоицизм перед ней. В их песнях не столько образ Бога и не столько образ иного сознания возникает, сколько тайная тень смерти, а значит, и тень инобытия, то есть координаты, которой раньше вообще не существовало – и в советском искусстве как таковом, и уж в советской песне подавно.

*Синие дали, луга да луга.
В скошенном поле дремлют стога.
С желтых обрывов над сонной
рекой
Пики лесов стерегут их покой.*

*Но, если в час рассвета утром
ранним
Узнаешь ты или услышишь вдруг,
Что твой товарищ болен или
ранен
Или наветом унижен друг, –
Приди к нему по морю и по суше
И, как в бою в окопные года,
Отдай ему рубаху, руку, душу –
Всё, что ты можешь, другу
отдай –*

звучало в знаменитой песне Стихина тех лет. Чувствуете это внутреннее на-

«Седьмое небо»

«Нюркина жизнь»

пряжение, эту тень возможной трагедии, эту тонкую грань меж жизнью и смертью, что столь остро чувствуется в строчках Г. Поженяна? Но так было и во всех песнях Стихина... «Будут трава и птицы, теплые два крыла, все возвратится, все повторится, только бы мама жила...». Тут уже не плоская твердость вечного, прекрасного советского настоящего, тут круговорот вечности, дыханные смерти...

Так же – и у Катаева. «Ты припомни, Россия, как все это было, как полжизни ушло у тебя на бои», – пел Никулин (и эта песня тоже «делает» фильм, для которого написана, – «День за днем» – создает ощущение иной перспективы, без нее он во многом перестает работать). Глубинно, как-то затаенно пел, будто раздумывая над каждым словом... И действительно, возникало размышление – нет, уже не над советской жизнью, а над Россией, над всей ее трагической ментальностью. А над всем этим раздавался голос абсолютно отдельного, уже оторвавшегося от спасительного и теплого коллективного тела, человека. Который нес в себе состояние, напрочь лишенное привычного оптимизма (пусть даже и с затаенной грустью Бернеса), более того – воплощался в дух глубоко трагический, прежние опоры потерявший, но обретающий их исключительно в собственной душе, в собственных размышлениях о мире, и больше ни в чем. И размышления эти уже поневоле уносились в иные измерения – измерения метафизические. Песни Катаева и Стихина оказываются не просто необходимым элементом в фильмах – они создают ощущение *смысла* – того, до которого сами фильмы лишь мучительно пытаются дотянуться и... не дотягиваются. Советскость пригибает их к земле.

Но горизонталь уже перестала быть прямой и ведущей к свету утопического идеала. За горизонтом образовалась круговая перспектива. Пространство стало обретать объем. Произошло начало нового духовного движения.

Вот тут и возник фильм Г. Панфилова «Начало», за которым тоже все потянулись, как за спасательным кругом, причем, толком не понимая, как его ухватить. Но уже непонимание свое осознавали. Значит, тут уже происхо-

дило и начало подлинного понимания.

Всех как-то немного смутило, а одновременно и заворожило, что фильм уж как-то больно непривычно построен. Живет в маленьком городке некрасивая девушка Паша Строганова, играет в самодеятельности, ничего у нее особо в жизни не ладится, идут обычные серые будни, даже любовь не состоялась. Но вот ее случайно увидел кинорежиссер и пригласил сниматься в своем фильме про Жанну д'Арк. Поначалу у нее ничего не получалось, а потом получилось. А новых приглашений в кино не последовало. И вернулась она назад, в свой городок. Вот и вся история.

Но начинается она не со сцен из жизни Паши Строгановой, а со сцен из жизни Орлеанской девы. Это кадры из фильма, в котором снялась Паша? Может, и так, тем более что в роли Жанны появляется та же актриса – Чурикова. Но пространство, в котором действует Орлеанская дева, на экране никак не остранено. Нет ни режиссера, ни юпитеров на площадке, ни «игры в кино», в образ «другого искусства, возникающего перед нашими глазами», как в других лентах про съемки фильмов. Перед нами именно самые настоящие средние века, и актеры в кадре вовсе не играют «актеров в ролях», а действуют в полную силу. Просто врывается к нам иная реальность – инобытие. И становится понятно, что это возможное инобытие самой Паши, что она и есть та самая Жанна – точнее, она могла бы ею стать, ей под силу стать такой же, как она. Конечно же, подобное было невозможно – слишком много возникло привычного серого быта, слишком много того груза житейского, тех

обстоятельств, из-за которых героиня даже помечтать не могла о каком-то ином варианте собственной жизни. И вдруг этот вариант ей представляется – пусть и чуть иллюзорный – благодаря съемкам в фильме. И он дает надежду – а точнее, возможность открытия своего, может быть подлинного, бытия, которое в реальной жизни навряд ли когда-нибудь осуществится.

Лучшие фильмы 50-х открывали «судьбам человека» возможность первого метафизического движения по горизонтали – но это было прохождение пути через трагедию, через ад собственной судьбы. Его проходили герои и той же «Судьбы человека», и «Неотправленного письма», и «Баллады о солдате». А началось все, конечно, со знаменитого фильма «Летят журавли».

Героиня Панфилова первой проходит путь вовнутрь – в непознанную глубину собственной личности, открывает в себе возможность иного, онтологического существования. И это не просто движение в миры своего подсознания – это уже открытие души, обращенной не в привычную сферу чувств и эмоциональных переживаний, а в сферы духа. А значит, и тайно обращенной к Богу. Хотя пока душа сия этого еще не понимает. Но уже чувствует, уже рвется в это иное, горнее начало всем своим естеством.

Начало начал положено. Это все уже поняли, но только пока еще никто толком не осознал. Скоро осознают. И искусство им в этом поможет. Начинается движение в сферу Духа. Начинаются 70-е. Произошло расставание с *советской религией*. Пришло время постигать Бога. Имя Которого пока еще не названо. Но путь к Нему проложен.

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ВЫ ПОНИМАЕТЕ: «НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ»?

<i>Сергей Комаров</i> Не мстить!	2
<i>Протоиерей Михаил Зазвонов</i> Слава Богу за всё!	4
<i>Юрий Кублановский</i> Что держит на плаву	7

<i>Лариса Беляева</i> Анкета «Лампады» Скажите, пожалуйста...	10
---	----

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

<i>Архимандрит Макарий</i> Ангел-хранитель	12
<i>Вадим Рутковский</i> Народный епископ из Партенита	15

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

<i>Инокения Ольга (Гобзева)</i> Святая земля и наша память	19
<i>Марина Захарчук</i> Алюминиевые кольца	22
<i>Дмитрий Шеваров</i> Братья милосердия	24

РОДНЫЕ ПЕНАТЫ

<i>Наталья Прохорова</i> Неприкаянный	27
--	----

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Наталья Прохорова</i> Не всё на продажу!	30
<i>Александр Шпагин</i> Начало начал	34

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
священник Димитрий Туркин

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Храм священномуче-
ника Климента, Папы Римского.
Москва

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 17.05.2018
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами рабов
Божиих Алексея и Александра.
Храни их Господь**

Приход храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+7 (49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 582
© Лампада, 2018

ЛЕПТА

Уважаемая редакция!

С сердечным поклоном к вам наш маленький приход храма преподобного Серафима Саровского. Огромное спасибо за бандероль с книгами и журналами. Вы просили подробнее рассказать историю строительства нашего храма. 27 июля 2016 года к нам приехал строитель Андрей Варштанян, и с этого все началось. Строителей нам направил протоиерей Анатолий Седелин, настоятель Крестовоздвиженского храма города Туапсе. Тогда мне никто ничего не объяснил, а просто стали доделывать храм. Поставили крышу, засыпали рвы, начали отделку стен. Иногда работы прерывались: видно, кончались деньги; но потом продолжались. Мы только ахали и удивлялись, боясь поверить своему счастью. Купили и установили светильники, очень красивое паникадило. Утеплители стены, поставили красивый купол, постелили временный пол. Но не было иконостаса, и мы медлили переходить в новый храм. Службы проходили в соседнем Доме культуры, который был признан аварийным. И вдруг в нашей моленной комнате случился потоп! Прохудилась крыша, пошли плесневые грибы, и нас оттуда просто выставили. Так мы справили «новоселье поневоле» и стали готовиться к богослужениям. Мы не оставляли молитв батюшке Серафиму, по воскресеньям нас собиралось 2–3 человека, иногда больше. Первая служба, с малым освящением храма, состоялась 1 августа 2017 года. Пока у нас нет закрепленного священника, поэтому службы проводят те батюшки, которых назначают. Наконец-то в этом году отец Анатолий, который не оставляет нас своими заботами, сказал, что ему дали денег достроить храм. Кто – мы не знаем.

Вы спрашивали о наших прихожанах. Это Александр Дмитриевич Афонин, военрук школы, сейчас занимается с казачьим классом, помог поставить иконы и благоустроить храм; Николай Васильевич Смолянов, инвалид, но тоже активно помогает в храме; Елена Петровна Немцева, учится церковному пению, но очень много работает, поэтому времени не хватает; Людмила Борисовна Пантюхина, пенсионерка, первая начала дежурить в храме, помогает

во многих делах; Татьяна Гавриловна Валиева, работающая пенсионерка, но с радостью помогает, когда свободна; Екатерина Григорьевна Романенко – дежурит в храме и помогает во всех делах. А главное – это наша певчая Лидия Мищенко, приезжает к нам из города, за 35 километров. Другие жители пока приглядываются, приходят на службы иногда. В общем, пока так.

Еще раз простите меня, если что не так. И большое спасибо за помощь.

С уважением многогрешная раба Божия Тамара (староста храма преподобного Серафима Саровского).

Адрес прежний: 352851, Краснодарский край, Туапсинский р-н, п. Горный, х. Островская Щель, ул. Центральная, 7, Демченко Т.Н.

Дорогая Тамара Николаевна!

Всё в вашем письме так и по делу, не переживайте. Вы воспроизвели прекрасную картину чистой и подлинной веры, какой живут в вашей маленькой Островской Щели. Да не оставит вас Господь Своей любовью и заботами!

Редакция журнала «Лампада»

